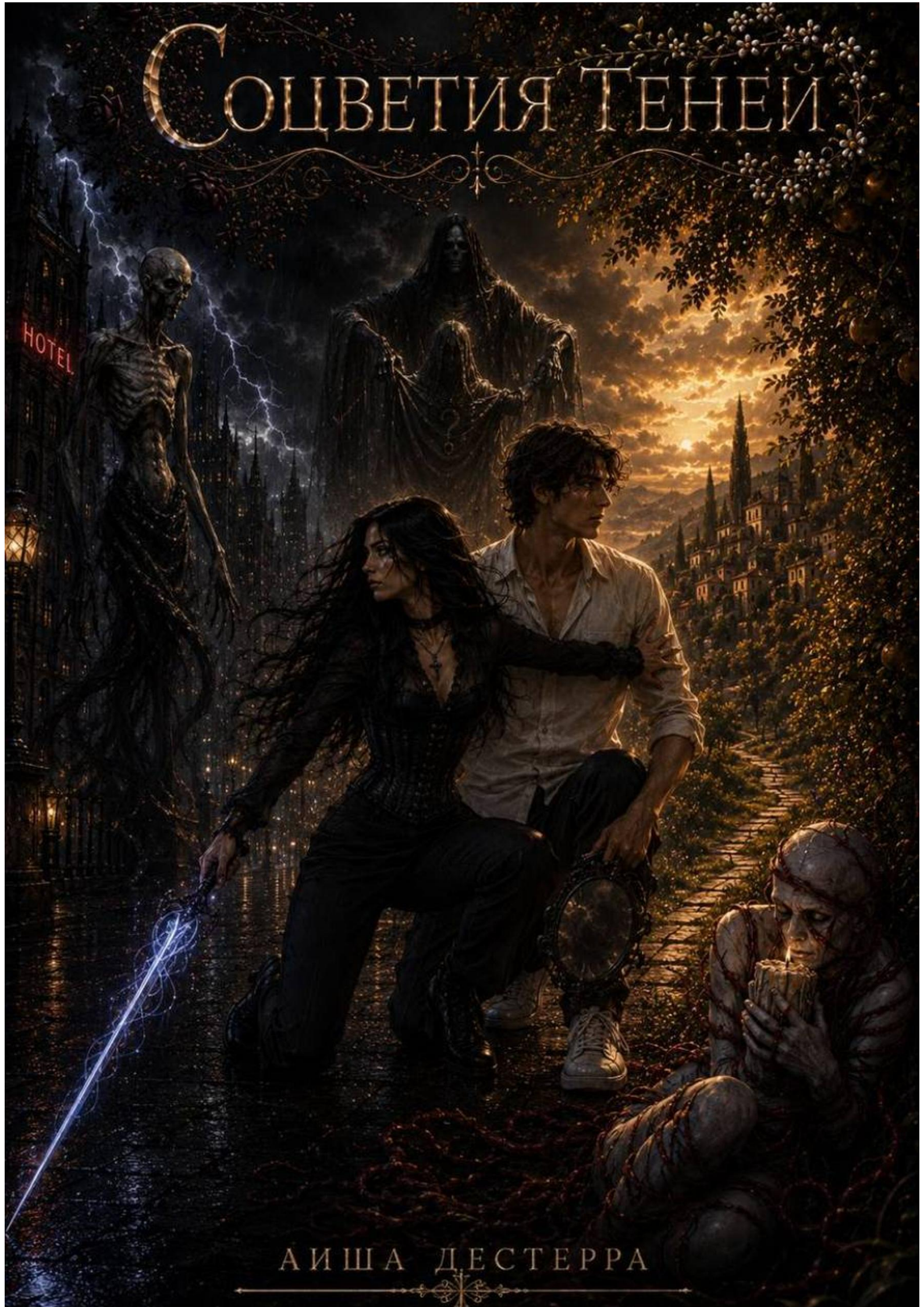


СОЦВЕТИЯ ТЕНЕЙ



АИША ДЕСТЕРРА

Аиша Дестерра

Соцветия теней

«Автор»

2026

Дестерра А.

Соцветия теней / А. Дестерра — «Автор», 2026

В мире, где паранормальные угрозы стали частью повседневной рутины, а борьба с ними — строгой профессией, Мона Верис считается одной из лучших в бюро. Стоя на пороге повышения, она получает загадочное дело, связанное с апельсиновой фермой на окраине города. Хозяин фермы — Леон, ворчливый, скептический и непримиримый. Он презирует работу бюро, отказывается сотрудничать и скрывает тайны, мешающие расследованию. Среди искажённых отражений и тревожных шорохов в стенах Мона сталкивается не только с новой, коварной сущностью, но и с правдой, погребённой под слоями профессионального героизма и хитросплетённого обмана. Это дело обещает ей не только карьерный прорыв, но и встречу с тем, что нельзя победить клинком: с прошлым, виной и собственной уязвимостью.

© Дестерра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Волокита	6
Глава 2: Первичные факторы	13
Глава 3: Нездоровый интерес	22
Глава 4: Приторный сад	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Аиша Дестерра

Соцветия теней

Глава 1: Волокита

Когда Камиль миновал очередной лестничный пролёт и уже собирался выбежать в коридор третьего этажа, дверь запасного выхода захлопнулась — прямо перед его лицом, как назло. Замок звучно щёлкнул, а зелёная вывеска на стене кратко мигнула, почти с натуральной насмешкой.

Дыхание сбилось, в ушах заливался гул учащённого сердцебиения. Но здание всё продолжало сопротивляться: отрезало пути к потайным закоулкам, известным лишь самому отелю, стирало цифры с табличек у номеров и прятало знакомые ориентиры.

Камиль ухватился за круглую ручку, но та не поддавалась. Впрочем, как он и предполагал. Просто в мыслях ещё теплилась надежда, что не придётся бежать дальше. А раздавшийся снизу скрип половиц окончательно разрушил её.

Он рванул вверх, хватаясь за холодные перила, стараясь не смотреть сквозь пролёты. Любая ненарочно замеченная странность могла заставить эмоции взять верх над разумом.

На этот раз он уже знал, на какие уловки способны местные двери. С рывком запрыгнул в проём и ввалился в тускло освещённый коридор.

Лампочки под пыльными абажурами болезненно вспыхивали, отбрасывая на стены угрожающие тени. В пустых номерах, казалось, слышались усталые вздохи. Где-то раздавалось навязчивое бормотание — будто человек опаздывал на важную встречу и причитал, собирая разбросанные вещи.

Камиль повернулся. Двери лифта в конце коридора на мгновение вздрогнули — слишком быстро, слишком несдержанно. Словно кто-то с раздражением снова нажал на кнопку, убеждённый, что это ускорит бессознательный механизм.

— Э, нет, — шепнул Камиль. — Не так быстро, дружок.

Он побежал к лифту, попутно вынимая из-за пояса недлинный клинок из полупрозрачного, но прочного сплава. Лезвие блеснуло в тени, и всё вокруг с трепетом задрожало. Даже пыль, витавшая в воздухе, боязливо осела на пол. Враг всегда знает, когда ему действительно угрожает опасность.

Потускневший ковролин под ногами вздулся. Камиль запнулся за бугорок и кубарем полетел на пол, неудачно впечатавшись головой в деревянный комод. Мирно стоявшая на нём ваза со звоном разлетелась на осколки.

Он вскочил и тут же обернулся к лифту. Но на этот раз чётко увидел, как кнопка сама вдавилась в стену, и из шахты снова донёсся звук. Двери плавно разъехались в стороны. Свет из кабины хлынул в коридор, и в нём проступили очертания худощавого тела.

Нечто ещё не успело убрать пальцы с кнопки, когда Камиль метнул клинок прямо в ладонь. Фигура вздрогнула, взвыла от боли, скривилась и обернулась. В пустых глазах разгорелся гнев. Стены задрожали, будто в подвалах отеля разразилось маленькое землетрясение.

Камиль подскочил ближе. Существо всё ещё брыкалось, пытаясь вырваться. Двери лифта закрылись, и в панике оно схватилося за рукоять клинка, но тут же закричало от боли.

Камиль увернулся, подался вперёд и вырвал оружие. Освободившись, существо ринулось в атаку. Осколки вазы взмыли в воздух и устремились к Камиле. Он закрылся руками, прокатился к ногам противника и полоснул лезвием по бледной коже.

Это не могло остановить — только замедлить и выиграть время.

Оно сползло на пол, не переставая кричать нечеловеческим, морозящим голосом. Тонкие руки потянулись к щели у плинтуса, оставляя голубоватый, мокрый след.

Лицо Камиле озарило ликование.

— Есть! — выдохнул он.

Камиль бросился за ним вновь, но целился уже не в существо, а туда, куда оно пыталось скрыться: в тёмные закрома подполья, в сырость, накопленную годами, в клубы пыли, среди которой валялись давно оброненные монеты.

Но наглое вторжение чужака не входило в планы существа. Оно резко развернулось и завопило прямо в лицо Камиллю. Волна ледяного воздуха обдала его с ног до головы и отшвырнула назад.

Старая дверь не выдержала удара, с лязгом сорвалась с петель и рухнула на пол. Потирая затылок, Камиль приподнялся и с досадой посмотрел вслед исчезнувшему под полом существу.

Он снял с пояса рацию и поднёс к губам:

— Я его нашёл. Четвёртый этаж...

Договорить не успел. В колено врезалась сдавливающая боль. Его рвануло вглубь номера. Камиль вцепился в дверной косяк обеими руками. Штанина затрещала и порвалась на лоскуты, будто в неё впились острые когти.

Пальцы медленно соскальзывали, собирая занозы. И вот хватка сорвалась.

Камя затынуло под широкую двуспальную кровать. Спиной он ощутил, как что-то липкое и холодное просачивается сквозь одежду, обволакивая тело. Клинок в руке дрогнул, но взмахнуть он уже не смог. Руки словно прилипли к полу, отказываясь повиноваться.

Что-то капнуло на лицо. Камиль поднял глаза.

Оскаленная пасть раскрылась прямо над ним. С острых зубов стекала голубая слизь. Существо завопило. Камиль зажмурился.

И вдруг всё стихло.

Он осторожно разжал веки. В воздухе мерцала синеватая пыль. А у самого носа опасно сверкнуло прозрачное лезвие.

Камиль аккуратно отодвинул клинок и вылез из-под кровати.

— Я же сказала...

Над помятыми простынями нависла темноволосая девушка. Она вырвала клинок из матраса и вытерла лезвие о покрывало.

— Нашёл — сразу зови, — закончила она и хмуро взглянула на Камиля.

— Спасибо, Мона, — вздохнул он.

— Конечно. А если бы меня рядом не было? Кого бы благодарил?

— Получается, уже бы молчал.

Мона горько усмехнулась и покачала головой. Затем слезла с кровати и убрала клинок за пояс.

— И в чём твоя ошибка? — лукаво спросила она. — Хоть это понял?

Камиль окинул комнату неуверенным взглядом и почесал затылок.

Мона устало вздохнула, с брезгливостью схватила край его запачканной футболки и потянула за собой в коридор.

— Это что? — кивнула она на кнопку лифта, залитую голубоватой слизью.

— Ранил Орьёсу, когда тот пытался сбежать.

— То есть ты его видел?! — воскликнула она. — Видел и не понял?

Камиль с досадой простонал и вскинул руки к лицу, будто пытаясь смыть не только следы боя, но и стыд.

— Вот то-то и оно, — цокнула Мона. — Если увидел Орьёсу, значит, оно ослабло. Надо было гнать — в кабину, вниз, куда угодно, но гнать ко мне! Я бы встретила и убила. А ты дал ей время осознать слабость и скрыться.

— Я думал, оно умнее.

— Откуда уму взяться? — фыркнула Мона. — Неделя здесь проторчали, а проявилось только сегодня. И да, за этот простой ещё перед владельцем отчитываться. Из-за закрытия отеля он и так не в восторге.

— Но мы же справились... в итоге, — удивился Камиль.

Мона кисло улыбнулась и развернулась к лестнице.

— Да, справились. А заодно сломали пару дверей, продырявили кровать и, возможно, угробили лифт. За последнее обиднее всего, — сказала она, удручённо покосившись на ступеньки.

Они вышли на улицу. Вывеска у подъездной тихо потрескивала, на парковке в ожидании стоял лишь один автомобиль, а над кустарниками постепенно зарождался ночной туман.

Мона вытянула над головой руки и размяла спину. Затем с прищуром осмотрела Камиля и рассмеялась.

— Чего? — нахмурился он.

— Каждый раз одна и та же картина... — улыбнулась она. — Ты весь грязный, а я с очередным Орьёсом на счету.

Брови Камиля подскочили вверх. Он раздражённо махнул рукой и щёлкнул кнопкой на ключе. Фары припаркованного у входа в отель автомобиля приветливо зажглись.

— Конечно, на твоём! — воскликнул он. — Мне достаётся самое сложное, а стаж растёт только у тебя...

— Не ворчи, — спокойно ответила Мона.

Она шагнула ближе и ловко выхватила ключи из его рук.

— Садись назад и постарайся не пачкать кресла. Отмывать служебную машину за тебя никто не станет.

Мона была хорошим водителем, но предпочитала во всём давать подопечному шанс учиться. Поэтому руль чаще доставался Камилю.

Когда он только поступил в Бюро, сразу заметил: наставники сильно отличаются. Одни спихивали на новичков бумажную волокиту, снимая с себя часть обязанностей. Другие, напротив, торопились передать все тонкости и подводные камни, готовя достойную смену. Но объединяло их одно. Все были в том возрасте, когда невольно задумываешься о пенсии.

Сотрудники Бюро редко задерживались на полевых работах надолго. Уже к сорока годам любой мог смело перевестись на щадящую должность или уйти на законный отдых. Постоянное взаимодействие с Орьёсами тяжело сказывалось и на психике, и на физическом здоровье.

Но Мона...

Камиль сначала совсем не обрадовался такой наставнице. Слава Моны Верис шла далеко впереди неё самой. Самая юная селин — не только в их отделении, но и во всей стране. Обычно этот ранг получали ближе к тридцати, и то далеко не все.

А Мона, казалось, и не думала останавливаться. Её трудоголизму не было предела.

Совсем недавно, за пару дней до расследования в отеле, в Бюро пришло уведомление от центрального штаба. Тогда показалось, что даже у стен офиса выросли уши — личность Моны вновь оказалась в центре внимания.

В документе говорилось: вскоре её ранг может быть повышен до итеса. А выше него уже ничего не было.

Но никто толком не знал настоящую Мону. Камиль слышал лишь пустые слухи: будто она мечтает побить все рекорды, рвётся в штаб и хочет получать запредельные суммы, сидя в уютном кресле... Но всё это оказалось далеко от правды.

Глубоко в душе она, конечно, радовалась повышению. Но желания отойти от дел Камиль в ней так и не увидел. С каждым завершённым делом он всё яснее понимал: Мона неугомонна. Она хваталась за любую, даже самую пустяковую работу, до поздней ночи изучала досье, словно от этого зависела судьба всего человечества. Она горела этим образом жизни, редко чувствовала усталость и никогда не давала передышки ни себе, ни ему.

Не отвлекаясь от дороги, Мона вытащила из бардачка толстую пачку влажных салфеток и бросила на заднее сиденье. Камиль, уже понимая, к чему это ведёт, тяжело вздохнул и поднял голову. Их взгляды встретились в зеркале заднего вида.

Каждый раз, глядя ей в глаза, его сердце на миг замирало. В них, помимо неоднородности цвета, таилась странная, бушующая искра, будто она смотрела не на человека, а прямо в его душу. Замечала все мысли, улавливала эмоции и только потом действовала.

Мона отвернулась и вслед за салфетками подкинула ему увесистую синюю папку.

— На, — ухмыльнулась она. — Выбирай, что понравится.

Камиль заглянул внутрь, и его глаза заметно просияли.

— Да ладно?! — воскликнул он. — Доверяешь мне следующее дело?

— Ага, — кивнула Мона.

Его взгляд жадно забегал по листам. Потом он почти интригующе улыбнулся, приподнял папку перед лицом и ткнул пальцем в разворот.

— Это!

Мона пристально взглянула в зеркало.

— Женское общежитие? — рассмеялась она. — Нет.

— И в чём тогда смысл? — из-за бумаг выглянуло его недовольное лицо.

Мона лишь пожала плечами. Камиль снова уткнулся в папку и начал внимательно читать. Спустя минут десять он наконец понял, в чём загадка. Сзади послышался шорох. Мона мельком глянула в зеркало.

— Вот, — хмыкнул Камиль и зачитал: — «Дом на 40-й. Примечание к вызову: предметы исчезают, оказываются не на своих местах, ощущение чьего-то присутствия за спиной, скрежет в полу и стенах...»

— И что? — выжидательно спросила Мона.

— Хозяева — пожилая пара. Значит, множественным всплескам энергии взяться неоткуда, и причина в другом, — начал рассуждать Камиль. — Предметы перемещаются... значит, Орьёса уже подрос, что делает его опаснее. В остальных заявках жалобы либо не по нашей теме, либо совсем ранние, а с этой затягивать нельзя.

Мона сдержанно кивнула и аккуратно повернула руль, сворачивая на главную дорогу. Вокруг было пусто. За окном мелькали густые заросли и высокие кроны благоухающих сосен. Она приоткрыла окно, в салон ворвался свежий, прохладный воздух. Аромат хвои был одним из её любимых: он напоминал о детстве, о тепле и почему-то о тишине.

— И всё? — внезапно спросила она.

Камиль вздрогнул. Мысли в голове закрутились мелким вихрем. Мона часто позволяла ему полностью ощутить вкус победы, а потом мягко добавляла горчинку незавершённости.

— Опять пропустил? — с досадой спросил он.

— Не буду томить сегодня. Так и быть. Орьёсу в отеле ты явно принял за связанного, так?

— Он пытался исчезнуть в щели, — буркнул Камиль, хотя знал: для Моны не существовало оправданий ошибкам.

— Да, спутать легко. Связанные — буквально привязаны к месту или предмету, и потому не могут уйти далеко. Да, они могут взаимодействовать с чем-то на расстоянии, но уйти... нет. Они находятся в одной точке. Туда и надо бить, — пригрозила она ему пальцем. — А шорохи в стенах и полу, плюс ощущение присутствия посреди комнаты? Это явно не связанный Орьёса.

— И всё это может оказаться неправдой, — устало заключил Камиль.

— А что поделать? Такова наша работа. И кстати...

Камиль с предвкушением взглянул ей в спину. Мона, словно почувствовав это, повернулась и одарила его нежной улыбкой.

— Завтра расскажешь мне обо всех подвигах связанных, — сказала она, не переставая улыбаться.

Камиль тут же нахмурился и отвернулся к окну, но не со злостью, а скорее с ощущением, что вновь проиграл ей.

— Понял.

Плотные ряды деревьев поредели. Вдалеке появились первые фары и очертания невысоких зданий. В такой поздний час город ещё спал, лишь изредка по тротуару бродили одиночки и усталые ночные гуляки.

Мона вытянула руку из окна и бодро махнула охраннику у шлагбаума. Ворота открылись, пропуская их на территорию Бюро. Она припарковала автомобиль почти у самого входа, заглушила мотор и обернулась к Камиллю.

— Уснул... — удивлённо пробормотала она.

Она обошла машину и осторожно приоткрыла заднюю дверь, с досадой глядя на испачканный салон. Последние два дня они почти не спали, выжидая активности Орьёсы. Долгая дорога в тишине окончательно добила Камилля. Он уткнулся лбом в переднее сиденье и провалился в сон.

Стараясь не размазать и без того крупные пятна, Мона приподняла его голову и лёгким похлопыванием по плечу вернула в реальность.

— Приехали, — тихо сказала она.

Камиль зажмурился, потом с трудом приоткрыл веки и застыл. Так близко Мона к нему ещё не стояла. Почти лицом к лицу. И снова он невольно утонул в её глазах — голубо-карих, ясных, пронзительных.

Но длилось это недолго. Точнее не настолько долго, как ему хотелось. Мона быстро отвернулась, даже не почувствовав искры, вспыхнувшей в его мыслях. Она наклонилась, схватила с сиденья пачку салфеток и протянула ему.

— Отмоешь — и свободен, — кивнула она на голубые следы.

Камиль растерянно огляделся. Вновь накрыло привычное ощущение неполноценности.

— А завтра нельзя? — с надеждой протянул он.

— Завтра машина мне уже будет нужна! — воскликнула Мона, скрестив руки на груди.

Она развернулась и зашагала ко входу. Камиль остался сидеть в машине, держа в руках ещё тёплую пачку салфеток.

В их офисе было два неизменных правила.

Первое: свет у входа всегда приглушён. Секретарь Деми ненавидел яркие лампы. Его стойка напоминала тёмную, неприступную нору, а сам он — большого крота в сером костюме, с маленькими глазками и вечным подозрением ко всему живому. Почему именно его посадили на это место — оставалось загадкой.

Второе правило — это, конечно, Мона. Если она не числилась на задании и не появлялась в стенах Бюро, весь отдел начинал тревожиться. В прошлом месяце, когда она повредила колено и не могла ходить, по офису заразительно расползлся встревоженный шёпот. За один день к Камиллю подошло больше шести человек, и все с одним и тем же вопросом: «Почему Мона не на работе? Не появился ли новый Орьёса, с которым даже она не справилась?»

На деле всё было куда менее героично. Вину за это до сих пор постыдно носил Камиль. Он снова сплоховал и запер её в комнате с разъярённой Орьёсой. А Мона, не раздумывая, выпрыгнула из окна второго этажа — прямо на асфальт.

Только он знал её взгляд в тот момент — гневный, ледяной. Позже этот день превратился в ночной кошмар: ему снилось, как Мона, ковыляя, поднимается по лестнице и угрожающе идёт к нему, словно монстр из старого ужастика.

Но даже в ярости она выглядела привлекательно. Некоторые и вовсе удивлялись, как ей удаётся так ярко краситься и стильно одеваться, если она проводит в Бюро больше времени, чем дома.

Когда Камиль увидел её впервые, он подумал: подобная особа не могла сама добиться такого карьерного роста. К тому же отец Моны, как всем было известно, тоже являлся наставником в Бюро. Он обучал новобранцев и имел ранг итеса.

Но Мона никогда не обращала внимания на сплетни. Её мало что волновало, кроме работы.

Именно поэтому она и сейчас вернулась в полупустой офис, где дежурили лишь несколько сотрудников ночной смены. Блондинка с короткими волосами за толстым стеклом кабинета отвела взгляд от монитора и радостно помахала проходящей Моне.

Едва та включила свет в своём кабинете, как коллега уже выскочила из общего зала и юркнула к ней в дверь.

— Вернулись, наконец-то! — улыбнулась Астрид.

— Да... Провозились дольше, чем обычно, — ответила Мона, усаживаясь в кожаное кресло.

Астрид прошуршала по ковру, оттянула зеленоватую штору и выглянула в окно. У машины возился Камиль, упорно оттирая въедливые пятна. Затем она перевела взгляд на Мону.

Та вытащила из шкафа за спиной новую пачку бумаги, вскрыла её канцелярским ножом и заправила в принтер.

— Опять нашего Ками отчитывать будете? — надула губы Астрид.

— Не переживай так за него, — ответила Мона, включая компьютер. — С нами ведь тоже не всегда всё гладко было?

— Да он местный рекордсмен! — вспыхнула Астрид. — Весь в свою наставницу. Только лидирует не по количеству убитых Орьёса, а по числу объяснительных.

Мона взглянула на неё исподлобья, но продолжила заполнять бланк, мелодично стуча по клавиатуре длинными пальцами.

— Он уже привык, — спокойно сказала она. — Каждая отметка — напоминание об ошибке. И он больше никогда её не повторит.

Астрид оправила штору и присела напротив, взъерошив волнистые волосы.

— Сурово... Он ведь только фарн. Когда закончилось его обучение?

— Меня эти ранги вообще не волнуют, — отрезала Мона. — Что плесы, осваивающие азы, что блэны, ведущие собственные расследования... Там, — она кивнула в сторону окна, — все равны. И любой может допустить фатальную ошибку.

Астрид нахмурила тонкие брови. Мона оторвалась от экрана, посмотрела на неё, и виновато улыбнулась.

— Тебя, конечно, я не имею в виду. Ты наш лучик света. Никогда не создаёшь проблем.

— Ага, — фыркнула Астрид. — Представляю, что бы ты сказала, если б я не сидела в распределении, а гонялась за Орьёсами вместе со всеми.

— А зачем представлять? — хмыкнула Мона. — Ты же здесь. Вот когда решишься выйти за порог офиса, тогда и поговорим.

— На слабо берёшь? — рассмеялась Астрид. — У меня для тебя кое-что важное. Поручение, не терпящее отлагательств и не предусматривающее отказа...

Лицо Моны побледнело. Единственное, что её по-настоящему пугало, — это встречи с Шеноном Икрусом, шефом отдела. Даже в шутливом подражании Астрид она узнала его манеру речи.

— Опять...

— Ага! — воодушевилась Астрид. — Завтра ровно в девять в малом зале соберутся наши юные и амбициозные плесы. Их повесили на тебя. В приказе уже твоё имя, так что не пытайся откосить.

— Понятно, — сухо шепнула Мона. — Это всё?

— Шен сказал, что на собрание приедет какая-то шишка из штаба. Не мудрено, что тебя пристроить поспешили.

— И в чём шишковитость? — скептически усмехнулась Мона.

— Наитес, наитес! К нам приехал наитес! — тоненьким голоском пропела Астрид.

Мона резко подняла голову. Щёки её ярко вспыхнули.

— Не называй так! Сколько раз повторять?!

Астрид звонко рассмеялась и, уже выходя из кабинета, бросила:

— Дела ей нет до «этих рангов», ага... Оно и видно.

Стеклянная дверь плавно закрылась, отбросив сдержанный блик. Принтер зашуршал, выплёвывая на стол тёплый лист с докладом о проделанной работе. Мона подтянула его ближе и внимательно пробежалась взглядом по строкам.

Штора едва заметно колыхнулась. Колёсики кресла скрипнули, и она подошла к окну.

Камиль всё ещё возился у машины. Сна в нём не осталось — только раздражённая усталость. У колёс лежала целая эскадрилья скомканных салфеток.

Уголки губ Моны медленно растянулись в улыбке.

Глава 2: Первичные факторы

Утро в Бюро медленно бурлило — в коротких молчаливых кивках, хлопках дверей, опаздывающих шагах. С первыми смешками и громкими шутками оно начинало по-настоящему кипеть. Кто-то пробежал мимо кабинета Моны, будто за ним уже гнался Орьёса; другие, зевая, проплывали мимо, едва перебирая ногами.

Плесов было несложно отличить от остальных. Они смотрели на всё с огнём в глазах, двигались быстро, с широко расправленными плечами. И табличка над дверью Моны не ускользнула от их внимания. В коридоре прошла небольшая, но шумная группа — и все как один затаили дыхание, с энтузиазмом заглядывая в окно её кабинета.

Мона уже разбирала старые заметки. Нагнувшись, она сняла с верхней полки шкафа увесистые коробки; на пол с глухим хлюпом падали толстенные папки. Упершись коленом в ступеньку стремянки, она внимательно листала пожелтевший сборник. На белой обложке поблескивал строгий шрифт:

«Первичные факторы определения Орьёсы. Мона Верис».

По коже пробежал холодок.

Она обернулась и застала двух плесов, застывших за стеклом. Те испуганно отпрянули и мгновенно скрылись за поворотом коридора.

Мона нахмурено спрыгнула на пол, подошла к двери и резко дёрнула штору жалюзи.

Ручка неожиданно вздрогнула, и на пороге появился Камиль. Вид у него был опрятный: светлая футболка заправлена в свободные спортивные штаны, слегка желтоватые волосы аккуратно причесаны.

— Доброе утро, — весело улыбнулся он. — Что, плесы уже атакуют? — посмотрел он вслед удаляющимся новичкам.

Мона резко втащила его в кабинет и захлопнула дверь, щёлкнув замком.

— Вам там всем про меня рассказывают? — недовольно пробурчала она.

— Я думал, что перерос это звание в твоих глазах, — кисло усмехнулся Камиль. — Ты же местная легенда. Некоторые даже переезжают, только чтобы работать в одном отделе с тобой.

Мона вернулась к шкафу, наклонилась и принялась собирать с пола рассыпанные отчёты.

— Ну и ты, конечно, не из их числа, — вздохнула она.

— Не-а, — протянул Камиль. — Я-то с тобой бок о бок... Знаю, что радости в этом мало.

— Вот и молодец. Сначала смотрят на всё через призму воодушевления, а потом разводят руками на ковре у начальства.

Камиль, уже упавший в кресло, тут же напрягся. Его взгляд инстинктивно забежал по столу Моны и довольно быстро нашёл свежий бланк в прозрачной папке с его инициалами. Он резко схватил его и развернулся к Моне.

— Ну почему?

— А ты что — исключение какое-то? — усмехнулась Мона. — Не парься. Сегодня тебе повезло. Этих простофиль, — махнула она рукой за спину, — Шенон мне доверил. Ты пойдёшь со мной, так что отчёт пока лежит здесь. А потом сразу на дело поедem. Будешь пайнкой — шеф его и вовсе не увидит.

Камиль издал протяжный, удручённый вздох. Затем неохотно положил бланк обратно на край стола, но продолжал прожигать его взглядом, словно и правда верил, что бумага вспыхнет, оставив после себя лишь серый пепел.

— А ты чего разлёгся? — возмутилась вдруг Мона.

Камиль удивлённо обернулся. Её кресло было большим и удобным, он никогда не понимал, как Мона так быстро встаёт и ломится на очередное задание, когда в Бюро её всегда ждёт просторный кабинет, чистый воздух и мягкое сиденье.

— Дай хоть на чуть-чуть проникнуться атмосферой, — прикрыв глаза, пробурчал он и расплылся в улыбке.

Брови Моны слегка изогнулись, она выпрямилась и постучала пальцем по отчёту. Камиль тяжело вздохнул, а затем с раздражением и крайней неохотностью поднялся.

Дверь в очередной раз вздрогнула.

Мона резко одёрнула жалюзи, намереваясь застать очередных, пронырливых плесов, но её лицо тут же перекосила паника: глаза округлились, губы растянулись в нелепой улыбке.

За стеклом стоял нахмуренный невысокий мужчина средних лет. Его густые седые брови сдвинулись к переносице, щёки надулись, а губы скривились гармошкой.

— Мона! — донёсся приглушённый голос Шенона Иркуса. — Девять пятнадцать!

— Я уже иду! — она повернула ключ в замке. — В своё оправдание скажу: о приказе узнала только ночью. Вы бы хоть позвонили... А если бы меня на месте не было?

— Кому ты рассказываешь, Мона? — ещё сильнее нахмурился Шенон, отчего его бело-снежные усы задрожали. — Тебя из офиса скоро выгонять придётся, чтоб от недоедания не умерла.

Шенон вообще был спокойным человеком, но крайне ответственным. К каждому подчинённому он относился с отцовской заботой — порой даже чересчур. Чем ближе становился сотрудник, тем сильнее проявлялась его опека.

За Моной он следил с особой бдительностью. И теперь часть этой заботы перепала и Камилю.

Но в отличие от Моны, Камиль видел в Шеноне только мягкость и добродушие. В последнее время он даже зачастил обедать с шефом в кафе на соседней улице.

Мону это сильно раздражало.

Она была уверена: длинный язык Камиля вытягивает из Шенона все её методы, упрощая наставничество. А простота, как известно, не была свойственна Моне.

Даже походка Шенона казалась угрюмой. Он застучал каблуками кожаных туфель до тумбы в конце малого зала, поправил воротник синей рубашки и, прокашлявшись, подтянул микрофон. Гул плесов мгновенно стих.

— Значит так, — громко начал он. — Очень рад всех вас видеть в стенах Бюро.

Стоящая позади всех Мона негромко усмехнулась. Тон Шенона совсем не соответствовал его словам — скорее выдавал раздражение, будто кто-то из новичков уже успел напортчить.

— Все вы успешно прошли подготовку и теперь являетесь полноправными сотрудниками, — продолжал он, вскользь окидывая лица. — Но, как вы, вероятно, уже знаете, до полевых исследований вас пока не допускают. Работа в Бюро опасна. Многие из вас станут отличными оперативниками, детektивами... но до этого ещё далеко. Сегодня ваш первый день, поэтому мы пригласили лучшего сотрудника для напутственного слова.

Он шагнул вперёд и небрежно помахал рукой, подзывая Мону.

Та медленно выдохнула, опустила плечи и уверенно зашагала вдоль скамеек. Десятки взглядов прильнули к её лицу.

Как всегда, её глаза были подведены чёткой чёрной стрелкой, губы — выкрашены в тёмно-вишнёвый, а над бровью, в свете настенных ламп, пару раз блеснул серебряный шарик — то ли пирсинг, то ли клипса.

Шенон похлопал её по спине. Мона сдержанно улыбнулась и поднялась за стойку. Её взгляд медленно обошёл зал: совсем юные лица, полные тревоги и надежды. В переднем ряду рыжий парнишка нервно постукивал ногой, но едва Мона задержала на нём взгляд, он тут же сглотнул и замер.

— Привет всем, — разнёсся её голос из динамика над потолком. — Меня зовут Мона Верис. Но вы, наверное, уже знаете, — она кивнула на тех самых ребят, что любопытствовали у её кабинета. — Вас так много... Но не думайте, что кто-то останется без внимания.

В двери бесшумно вошла высокая женщина в светло-сером костюме. Волосы — коротко стриженные, в ушах поблёскивали массивные золотые серьги, под мышкой — небольшая кожаная сумка. Мона невольно перевела на неё взгляд и на мгновение замолчала. Женщина была ей незнакома, но сразу затмила всех в зале, будто в комнате остались только они двое.

— Мы ежедневно сталкиваемся с трудностями, — продолжила Мона, не отводя глаз от незнакомки. — Никто не даст вам чёткого путеводителя по работе с Орьёсами — такого просто не существует. Каждое дело уникально. Есть базовые проверки, условные факторы, но вы должны понимать: опасность всегда рядом, как бы вы ни были готовы. Вы можете растеряться, впасть в ступор. Но помните: теперь от вас зависит не только ваша жизнь, но и чужая. Я говорю не о клиентах Бюро, но и о ваших будущих напарниках. Посмотрите друг на друга. Запомните эти лица.

Зал зашелестел — скрип сидений, шорох одежды.

— Это те, кто может пострадать из-за вашего бездействия или минутной слабости. Да, мы живём в современном мире. Научились распознавать аномалии, изучаем их природу, предотвращаем трагедии... Но и тот, тёмный мир, не стоит на месте.

Мона вытащила из кармана флешку, вышла вперёд и подкинула её тому особенно взволнованному рыжему парнишке.

— Начнём вот с этого, — сказала она, возвращаясь к тумбе.

Тот тут же подскочил к компьютеру и запустил презентацию.

— Поговорим о базовой классификации Орьёс. Точнее — о том, с чем каждому из вас придётся столкнуться в расследованиях. И неважно, останетесь вы в архивах или пойдёте на приём вызовов.

Широкий экран за её спиной ожил: на нём появилась схема.

Камиль, как обычно, не мог оторвать от неё взгляда — даже когда она повторяла то, что он знал наизусть.

Страницы тетрадей шуршали в такт её словам. Кто-то задавал вопросы, кто-то растерянно кивал, усердно вникая в материал.

— А вы правда зачистили Орьёса — искажения? — подняла руку пухленькая девушка в круглых очках.

Мона оторвалась от экрана и с интересом посмотрела на неё. Та с опаской вжалась в спинку скамьи.

— Да, было такое, — пожала плечами Мона. — А почему именно этот подвид вас интересует? На моём счету есть куда более занятные экземпляры.

Камиль невольно вздрогнул. Это дело она закрыла как раз перед началом наставничества. Он тогда только получил ранг фарна — второй в иерархии, и пришёл в офис пораньше.

Только на парковке его чуть не подрезал служебный автомобиль. За рулём сидела Мона, полностью залитая голубой слизью. Она хлопнула дверью, вышла, с её волос капали крупные капли. Цвет одежды было не разобрать, а взгляд... взгляд, казалось, обвинил его во всех смертных грехах.

— Искажённые активнее других Орьёс влияют на восприятие реальности, — тихо, но чётко сказала девушка, поднимаясь. — Они вызывают галлюцинации, медленно сводят с ума... Бывали случаи, когда их жертвы нападали на окружающих.

— Правильно, — кивнула Мона. — Это один из самых опасных видов: на ранней стадии его почти невозможно заметить. Человек злится, ну и что? Галлюцинации — хитрое оружие. Вот вопрос: что вы делаете в первую очередь, если сталкиваетесь с искажённым?

По залу прошёл лёгкий гул. Камиль ухмыльнулся и смело поднял руку. Мона взглянула на него с вызовом.

— Стараемся запомнить каждую мелочь в предполагаемом месте обитания, — ответил он.

— Молодец, — одобрила она.

Лицо Камиля засветилось гордостью под взглядами новичков.

— Ещё вопросы? — тут же перебила Мона.

Из конца зала поднялась женщина в сером костюме.

— А если стадия развития Орьёсы уже глубокая, и вы вдруг замечаете признаки, не соответствующие ранее присвоенному статусу?

Шенон, сидевший в первом ряду, почти незаметно кивнул.

— Отбросив бюрократию — почему и как допущена такая стадия, — сказала Мона, — есть радикальный способ борьбы. Можно дать Орьёсе возможность эволюционировать — направить её в форму, удобную для нас. Старые приёмы останутся, но мы можем обмануть её: из сильной сделать слабую, запутать, лишить преимущества.

Женщина внимательно слушала, потом едва заметно поджала губы и молча села.

Зал постепенно опустел. Некоторые задержались у Моны с вопросами, интересуясь её самыми известными делами. Вскоре остались только трое: Камиль, Шенон и незнакомка.

Та подошла и протянула руку:

— Вера Гальц. О вас, Мона, я уже слышана.

— Наверное, спасибо, — улыбнулась та.

Шенон тут же подскочил и укоризненно взглянул на Мону.

— Простите, она у нас к общению плохо приучена.

— Судя по такому грамотному и увлекательному уроку, — окинув зал, ответила Вера, — я бы не сказала, что Мона плоха в коммуникации.

— Вам бы побольше меня хвалить, — тихо шепнула Мона Шенону.

К ним медленно подошёл Камиль. Вера с интересом обернулась.

— А это мой подопечный, Камиль Корс, — похлопала она его по плечу.

— О, и как вам наставничество Моны? — спокойно спросила Вера.

— Отлично! Она прекрасный учитель. Надеюсь, скоро тоже стану селином, а там... — он смущённо улыбнулся, — Может и в штаб попаду.

Мона звонко рассмеялась, но под грозным взглядом Шенона тут же притихла:

— Конечно, станешь. Как только выучишь основы, сразу — в путь, на повышение.

Камиль тяжело вздохнул и кисло улыбнулся. Шенон выпрямился и, прокашлявшись, произнёс:

— Кстати, о повышении. Вера приехала, чтобы рассмотреть твою перспективу.

Мона затаила дыхание.

Ранг итеса — тот самый, что в шутку зовут «наитесом» из-за открытого экзамена, давно манил её. Но она не ожидала, что приезд сотрудника из центрального штаба связан именно с этим. Да и до повышения ей ещё было очень далеко. Иногда она мысленно прикидывала — сколько ещё дел ей нужно будет изучить и закрыть до его достижения.

Вера медленно кивнула.

— Да. И это может случиться быстрее, чем мы планировали.

Её голос звучал отстранённо, будто мысли её были далеко. Глубокий, но без пафоса, с той самой уверенностью, что приходит только с опытом.

Вера раскрыла сумку и вынула небольшую папку, совсем тонкую, но в лице Моны уже заметно разогрелся неподдельный энтузиазм.

— Вы, наверное, в курсе, что в городе планируется проведение важного мероприятия? — спросила Вера.

Мона непонимающе хлопала глазами, а Камиль тут же восторженно:

— Фестиваль?

— Да, ежегодный съезд участников социально-культурных инициатив, — медленно произнесла Вера.

— А как мы с этим связаны? — удивилась Мона.

— Основной организатор площадки столкнулся с... некоторыми проблемами по части Бюро, — вполголоса пояснила Вера. — И дело не совсем типичное...

— И если я разберусь с ним до начала фестиваля, то... — широко улыбнулась Мона, — вопрос о присвоении итеса станет чисто формальным?

Вера одобритительно кивнула и протянула папку Моне.

Шенон обошёл её и, с лёгким оттенком волнения в глазах, потянул Веру к выходу.

— Давайте подпишем назначение и не будем вас задерживать, — буркнул он.

— Можете на нас рассчитывать! — выпалила им вслед Мона.

Она уже успела вскрыть папку, но как только Камиль склонился над её плечом, старательно вглядываясь в содержимое, резко захлопнула её и спрятала за спину.

— Эй! — воскликнул он.

— Куда вперёд взрослых полез?

— Ну как же? Новое дело, да ещё и «нетипичное»! Мне же нужно проявить инициативу.

Мона задумчиво хмыкнула, скрестив руки на груди.

— Мало покрасовался перед плесами? — прицокнула она.

Щёки Камиля залились лёгким румянцем.

— Ничего я не красовался...

Вплоть до самой двери кабинета Камиль не унимался, пытаясь выпытать у Моны детали нового задания. Но она оставалась непреклонной.

В коридоре с кипой бумаг появилась Астрид.

— О, — выдохнула Мона, заметив её. — Астрид, тебе не тяжело? Забирай помощника.

Она слегка толкнула Камиля в спину и юркнула в кабинет, захлопнув дверь и щёлкнув замком раньше, чем он успел что-либо сказать.

С долей обиды Камиль подошёл к ничего непонимающей Астрид и грубо выхватил из её рук бумаги.

— Я вам мальчик на побегушках?

— Смотри, как бы при Моне такое не сказал, — усмехнулась Астрид.

Наконец-то Мона осталась наедине с делом. Она уселась в кресло, скинула туфли с острыми каблуками под стол и расслабленно вытянула ноги на ковёр. В папке оказалось удивительно мало — всего три неполные страницы.

Мона, конечно, предполагала, что задание будет сложным, но странное ощущение недоведенности не покидало. Информации об Орьёсе почти не было — зато про заявителя, хоть отбавляй.

В графе значилось: Леон Битэк, владелец апельсиновой фермы. Ниже шло подробное описание: от размеров территории до списка построек и даже персонала. А вот в графе с жалобами — только прочерк.

Брови Моны слегка нахмурились. Она качнулась на кресле, встала и подошла к окну. На парковке Шенон уже провожал уезжающий автомобиль Веры. И вдруг, будто почувствовав её взгляд, резко обернулся и поднял голову.

Мона испуганно дёрнула штору и вновь перечитала содержимое папки.

— Чёрт... и что это? — фыркнула она.

Интуиция подсказывала: если бы дело не было серьёзным, штаб не стал бы назначать именно её. Но отсутствие любых примечаний или даже предположений о природе угрозы ставило логичный вопрос: как они вообще определили степень сложности?

Ближе к обеду, как и планировала, Мона переоделась в свой рабочий костюм — серую футболку и спортивные штаны, собрала вещи и спустилась к машине. Там её уже ждал Камиль.

Как бы он ни старался, скрыть предвкушение не получилось. Даже его улыбка казалась зловеще одержимой. Но он молчал, надеясь, что Мона сама всё расскажет.

Чёрная спортивная сумка глухо стукнулась о дно багажника. Крышка хлопнула.

— Нечего за мной хвостом ходить, — обернулась она к Камиллю.

— А куда едем? — не унимался он.

Мона строго посмотрела на него. Хотя она и была ниже ростом, это никогда не мешало ей смотреть сверху вниз, даже исподлобья.

— Память отшибло? — спросила она. — Вчера всё обсудили. Дом на 40-й.

Камиль понуро плюхнулся в водительское кресло и пристегнулся. Всю дорогу он молчал, но уже на подъезде не выдержал:

— Разве дело от Веры не важнее?

— Важнее чего? Людей, которые ждут от нас помощи?

— Да не... — поморщился он. — Я не про это. Просто раз штаб...

— Слушай, — перебила Мона, — если начал — доводи до конца. Это задание какое-то мутное. Там вообще ничего примечательного. Конечно, им важен фестиваль, но тогда они могли прислать любую свободную команду. Разберёмся после того, как закончим здесь.

— А если не успеем?

Мона медленно покачала головой, словно обдумывая ответ.

— Значит, возьмусь за оба сразу. А ты будешь координировать.

Под капотом что-то негромкобрякнуло, Камиль резко завертел головой.

— Надо снова на техосмотр, — вздохнул он. — А видела машину Веры? Вот это высший класс... Интересно, какая зарплата в штабе?

— Тебя только это волнует? — сузив глаза, ответила она.

— Это работа и я получаю за неё деньги, — пожал плечами Камиль. — Глупо отрицать их значимость.

— Глупо, но и сфера такая, что есть вещи поважнее.

Автомобиль завернул на обочину и припарковался у двухэтажного дома из светлого кирпича. Камиль уже открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но Мона резко дёрнула его за локоть и кивнула в сторону входа.

Под алой красной дверью, с горшка по ступеням уныло свисали почерневшие стебли. А в правом окне стекло помутнело настолько, что за ним невозможно было ничего разглядеть.

— Нас даже встречают, — прицокнула Мона.

Из-за забора показался невысокий старичок в острых очках. Он осторожно застыл у дорожки, то и дело оглядываясь на окно с потемневшими стёклами, и нервно перебирал пальцами катышки на выгоревшем свитере.

— Вы долго, — негромко произнёс старик, но в голосе прозвучало облегчение.

— Приехали, как только смогли, — ответила Мона и смело взбежала по ступеням. — Правая комната?

— Внучка приехала на выходные и заметила странности, — с горечью сказал он. — Каждую ночь малышка прибегала к нам и твердила, что кто-то скребётся...

— Может, мыши? — спросил Камиль, закидывая сумку на плечо.

Старик вздрогнул, оглянулся и быстро замотал головой.

— Нет, точно не мыши, — строго отрезал он. — За жизнь я уже с Орьёсой встречался. Не спутаю.

— В этом доме? — напряглась Мона.

— Нет-нет... Мы с супругой живём здесь уже тридцать семь лет. Ни разу ничего подобного не было.

— А кроме ребёнка кто-нибудь видел эти странности?

Старик на мгновение задумался. Его глаза прищурились, будто он старался восстановить каждую деталь.

— Весь огород сгнил, — печально взглянул он на голые палки, торчащие из земли. — И стёкла... но вы и сами видели.

Мона уныло вздохнула и толкнула дверь. Внутри пахло тёплым деревом, недавно разожжённым камином и пряной сладостью — как и во многих других домах, где живут пенсионеры.

Интерьер был скромным, но ухоженным. Только тонкий слой пыли намекал, что в последнее время здесь редко думали об уборке. Мона прошла по коридору, половицы под ногами звонко заскрипели.

— А предметы? — вспомнила она слова Камиля, читающего досье. — Вы жаловались, что вещи не на своих местах.

Старик застыл на пороге, не решаясь зайти, осторожно нагнулся и осмотрелся.

— Сейчас вроде всё, как положено.

— Я так понимаю, вы временно не здесь живёте? — спросил Камиль, проводя пальцем по комоду.

— Конечно! — удивлённо воскликнул старик.

Мона резко развернулась.

— Ладно, спасибо за помощь. Дальше мы сами. Как только закончим — дадим знать. Только... нужно подписать пару бумаг об ознакомлении с возможными угрозами.

Камиль тут же расстегнул сумку и вынул стандартный бланк. Старик поправил очки и внимательно вчитался. Через пару минут он выхватил у Камиля синюю ручку и поставил подпись.

— Как быстро, — усмехнулся Камиль. — Обычно все сначала возмущаются.

— Мне ценнее моя семья, — кисло улыбнулся старик. — А ремонт всегда успеется. Тем более, всё самое ценное мы уже отвезли к детям.

— Тогда конечно, — кивнул Камиль, но всё равно ещё несколько раз вскользя проверил документ.

С улицы донёсся звук отъезжающей машины, и они вновь остались одни.

В гостевой спальне было чуть прохладнее, чем в остальном доме. Свет сюда пробивался еле-еле, рассеянными полосами, хотя солнце стояло в зените. Пушистый вязаный плед на маленькой кровати, стол с разбросанными фломастерами, мягкий зелёный ковёр — всё пестрило, но не раздражало. Наоборот, создавало ощущение уюта.

На комоде в боевой стойке застыли расписные фигурки. То ли звери, то ли люди — разобрать было трудно, но довольно забавные. Мона аккуратно взяла одну в руку и медленно обвела взглядом потолок.

Сверху свисала небольшая ажурная люстра. Лампочка светила слабо, слегка потрескивая. Мона сразу заметила: стекло на ней тоже приобрело тёмно-коричневый оттенок.

— Давай камеру поставим? — не отводя взгляда от люстры, сказала она.

Камиль тут же вынул из сумки коробочку размером с ладонь. Внутри аккуратно лежали тугие провода, тесно свернувшись друг с другом, и крошечная камера. Он окинул комнату взглядом, заметил розетку в углу под большим круглым зеркалом и подключил устройство.

— За планшетом схожу, — шепнула Мона.

Он кивнул и осторожно прицепил камеру к потолку. Небольшие присоски позволяли крепить её к любой поверхности. Камиль ещё раз проверил соединение, и вдруг за спиной стихли шаги.

— Видно? — обернулся он.

Но в комнате никого не было.

Его лицо нахмурилось. Он вышел на центр ковра и огляделся. Откуда-то доносился едва уловимый шорох. Камиль присел на корточки, провёл рукой по полу и пригнулся так низко, что его голова почти коснулась длинного ворса.

Шорох повторился, но уже отчётливее. Он внимательно вслушивался, и вдруг перед его лицом появилась склонившаяся Мона.

— Что там?

Камиль резко подпрыгнул и тяжело задышал.

— Ты меня напугала...

Мона весело рассмеялась и присела рядом, откинувшись головой на край кровати. Затем посмотрела ему прямо в глаза и интригуяще зашептала:

— Что видишь?

Камиль непонимающе уставился на неё. Всё вокруг поплыло — кроме Моны. Её он видел совершенно чётко: пронзительные глаза, пухлые губы, мягкие чёрные локоны. Но в голове мелькнула досадная мысль: она говорит вовсе не о себе.

Он резко огляделся в поисках улик, но взгляд так и не зацепился ни за что конкретное.

— Тогда давай проверим мою теорию, — резко поднялась она и повернулась лицом к стене.

Камиль последовал её примеру.

— Ждём, — торжественно произнесла Мона и даже прикрыла веки.

Спустя пару минут полной тишины под полом вновь раздался шорох.

— Поворот! — крикнула Мона.

Они одновременно обернулись, и шорох мгновенно стих. Мона посмотрела на Камиля с предвкушением, ожидая ответа. Тот лишь угрюмо пожал плечами.

— Ещё попытка, — уже с долей злорадства сказала она.

Всё повторилось: серые обои над кроватью, тишина, затем шорох, и снова тишина. Но Камиль так и не мог уловить ход её мыслей.

— Хочешь, кино покажу? — спросила Мона, включая планшет.

— Не понимаю... — пробурчал он.

Экран загорелся. На нём появилась свежая запись с камеры в углу спальни: их с Моной «гляделки» у стены... и вдруг Камиль уткнулся в планшет чуть ли не носом, стараясь разглядеть явно что-то очень маленькое. Он подскочил к комоду, и сразу заметил свежие следы на тонком слое пыли.

— Как ты поняла?! — воскликнул он.

— Вряд ли кто-то успел поиграть с ними с того момента, как мы приехали. А следы уже были.

Она бросила планшет на кровать. На записи едва уловимо зашевелились фигурки: стоило им с Моной отвернуться к стене, как те одна за другой начали смещаться, будто играющие, озорные ребятишки.

— Ну что, товарищи, — ткнула пальцем в ярко-синюю фигурку по центру Мона, — вас раскрыли.

Малюсенькая ручка звонко хрустнула и отмахнулась от неё. Остальные её керамические друзья тоже ожили.

— Какая умная! Победила! — писклявым голосом завопила синяя фигурка. — Давай теперь в прятки?!

— Ну уж нет, — покачала головой Мона. — Лучше расскажите: кто вас оживил?

Камиль удивлённо уставился на своих новых «напарников». Их движения были резкими, механическими. У каждой — своё лицо: синяя — с бородой и когтями, в красном плаще — с рожками и острыми клыками, а жёлтая — с крыльями и птичьими ногами.

— А ты угадай! — пропищала последняя.

— Ну-ка, мелочь, не разводите шум, — нахмурился Камиль.

— Ой, какой! Смешной, грязный, вл...

— Всё, они мне надоели, — резко перебил он. — Разве от оживлённых игрушек бывает толк?

Мона громко фыркнула.

— Помимо того, что это уже зацепка? Да, они могут быть полезны. Орьёса взаимодействует с ними, но они не его порождение. Просто игрушки ребёнка, который здесь жил. Общаются на его уровне, но кое-что рассказать могут.

Из кармана появилась зажигалка — увесистая, серебряная. Фигурки настороженно покоились на Мону и тут же бросились врассыпную. Но Камиль резко сунул руку между комодом и стеной, сжал кулак и вытащил жёлтого малыша.

Тот брыкался и пытался укунить его большой палец, но Камиль почувствовал лишь лёгкую щекотку. Мона игриво щёлкнула зажигалкой перед его лицом. Пламя на мгновение злое отразилось в крошечных глазках.

— Ну что? — улыбнулась она. — Будем сотрудничать?

— Да, да, да! — замахал он тоненькими крылышками.

Его собратья осторожно выглянули из укрытий, переглянулись и впереводку закричали:

— Тёмный!

— Ночью бродит!

— Утром злится!

— Сильно злится!

Фигурка в руке Камиля подхватила:

— И прячется и злится! Там! — указал он крохотной ручкой на стену.

Мона подошла к кровати и резко отодвинула её. За спинкой стена была покрыта глубокими трещинами; засохшие полосы обоев местами отслоились, образуя зияющие дыры. Она заглянула в одну из трещин, и внутри будто что-то шевельнулось, ушуршав вглубь кирпичной кладки.

— Я понял! — просиял Камиль, не выпуская фигурку. — Это теньюй!

Мона сдержанно кивнула и вынула из-за пояса полупрозрачный клинок.

— Да, похоже на то, — сказала она и, выпрямившись, добавила уже серьёзнее: — Значит, будем ждать ночи.

Кровать вновь придвинули к стене. Мона упала на матрац, сложив руки с клинком у груди. Камиль присел у изголовья и замер, прислушиваясь к тишине.

Глава 3: Нездоровый интерес

Любое расследование начиналось с устоявшихся «традиций» — правил, зародившихся среди работников Бюро и передававшихся из поколения в поколение. Почти все они сводились к одному: ждать. Именно в тишине и монотонности проявлялись тонкости нового Орьёсы — его коварные повадки, кошмарные способности, едва уловимые следы в воздухе.

Дом на 40-й улице не стал исключением.

Прикрыв глаза, Мона лежала на кровати в гостевой спальне — не дремала, а думала. В её работе на размышления почти никогда не хватало времени, поэтому она часто повторяла одно простое правило:

— Выдалась спокойная минута, когда за тобой никто не гонится — садись и думай.

Камилю это давалось с трудом. Он легко отвлекался, и Мона упорно пыталась привить ему сосредоточенность.

Уже ближе к четырём часам гостевая спальня полностью погрузилась во тьму. Света здесь и правда не хватало, хотя в остальной части дома ничего не изменилось.

Камиль успел обойти все комнаты.

Просторный зал с небольшим кирпичным камином и круглым столом под ажурной скатертью. Совсем крошечная ванная, но с чистыми полками, парой зубных щёток в синем стаканчике и аккуратно сложенными полотенцами.

Всё в доме было подобрано со вкусом: от цвета штор до кухонных прихваток — лаконично, сдержанно, без лишнего.

Только спальня на втором этаже выбивалась из общего стиля. Роскошный бархатный диван в сочетании с пёстрыми рыбами на покрывале выглядел почти комично. Книжный шкаф хранил строгие серые тома по медицине вперемешку с яркими романами. На трюмо — открытая пудра, следы теней, а в ящичке письменного стола — скрупулёзно сложенные перьевые ручки и стопка белоснежных листов.

Но главное — портрет пожилой пары над телевизором. Он излучал искреннюю заботу. Краснощёкая женщина в жемчужном колье и алой юбке, рядом скромный старичок в пухлых очках и сером пиджачке. Совершенно разные, но сумевшие создать свой уют.

Торшер дважды щёлкнул, и лампочка устало замерцала, будто её вдруг одолела дремота. Камиль осторожно ощупал провод, нашёл кнопку и нажал. Теперь спальню освещал лишь розоватый отблеск заката.

По коже снова пробежал холодок. Он обернулся и увидел входящую Мону.

— Пока всё сходится, — пожал плечами Камиль.

— Не будь так уверен, — вздохнула она.

Мона подошла к окну и резко задёрнула шторы, полностью погрузив комнату во тьму. В стенах тут же что-то торопливо зашуршало, почти оживлённо.

Пальцы Камиля вновь сжали выключатель. Торшер с протестующим щелчком вспыхнул.

— А я уже более чем уверен, — усмехнулся он.

— Как и с тем? В отеле? — рассмеялась Мона. — Если так боишься отметок в деле, будь внимательнее. Убить Орьёсу — успеешь. Много раз.

— Кто сказал, что я их боюсь? В Бюро без ошибок никак...

— Я вот справляюсь, — хмыкнула Мона.

— Не верю, что ты ни разу не лажала... — пробормотал Камиль почти шёпотом.

И тут же пожалел. Мона повернулась и серьёзно посмотрела на него.

— Моим наставником был собственный отец. Думаешь, мне прощались ошибки? — подняла она бровь.

— Нет, — опустил голову Камиль.

— Если уверен, что готов, — с вызовом сказала Мона, — дам тебе сегодня волю. Поме-
няемся местами?

Удивлённый взгляд Камиля ту же вспыхнул воодушевлением. Губы растянулись в хитрой
ухмылке. Он смело протянул ей руку.

— Если справляюсь... на неделю занимаю твой кабинет.

Мона покосилась на его широкую ладонь и звонко рассмеялась, пожимая её.

— На день.

— Значит, боишься проиграть? — не отпуская её руки, спросил Камиль.

— Нет. Просто тебе нечего предложить, — усмехнулась она.

Камиль на миг задумался. В голове мелькнула дерзкая мысль. Он постарался принять
как можно более невозмутимый вид:

— Если выиграешь ты, я оплачу ужин.

— Ого! — воскликнула Мона. — Зная, как ты не любишь расставаться с деньгами, выло-
жусь на полную... Считай, меня здесь нет. Подсказок не жди.

Азарт всегда придавал Камилю сил. Он довольно кивнул и тут же бросился изучать
дом. Снова пробежал по комнатам, внимательно всматриваясь в каждую деталь: в трещины на
обоях, в пыль на полках, в тени под мебелью.

Мона устроилась на кухне, наблюдая за его беспорядочными перебежками с лёгкой
усмешкой.

В третий раз, проходя по коридору, Камиль вдруг замер. Его взгляд скользнул мимо
Моны — за её спину. Он знал её достаточно хорошо, чтобы понимать: даже когда Мона делает
вид, что безучастна, она инстинктивно чувствует, куда двигаться.

Не сказав ни слова, он подошёл к окну возле холодильника и резко задёрнул штору.
Мона обернулась с лёгким недовольством, но Камиль лишь ухмыльнулся и принялся закры-
вать все окна по пути. Последнее — в гостиной. Свет в доме померк, и тени, словно по команде,
заползли в каждый укромный угол: за шкафы, под столешницы, в щели между дверями.

Гордо выпрямившись, он вышел в зал:

— Если хотим выманить — нужно дать Орьёсе больше пространства.

Он выжидательно посмотрел на Мону, но та молчала.

— Так... — выдохнул Камиль. — Ещё теньевые не любят внимания.

— Может, тебе повязку дать? — улыбнулась Мона, прикрыв ладонью глаза, а затем
выглянув сквозь пальцы. — Ну, чтобы вниманием его не оскорбить...

Камиль недовольно поморщился и отвернулся. Его взгляд вновь упал на порог гостиной.
Что-то он упускал. Что-то важное. А Мона, похоже, вовсе не собиралась покидать своё кожаное
кресло.

— Слышишь? — он поднял руку, всматриваясь в потолок. — Шороха нет. Подозрительно
тихо.

Мона пожала плечами, но всё же прислушалась.

Камиль быстрым шагом вернулся в гостевую и склонился над фигурками на комод. Те
стояли неподвижно, как и положено. Он схватил одну и громко произнёс:

— Эй! Подъём!

Фигурка вздрогнула и испуганно завертела головой. Камиль тут же сбавил тон:

— А чем вы занимались, когда Орьёса вас оживил?

— Тот злой? — тоненьким голоском спросила фигурка.

— Да, — раздражённо вздохнул Камиль. — Тот, что ночью злится.

— Играли! — радостно воскликнула она, будто вспоминая лучшее приключение в
жизни.

С комода поднялась жёлтая фигурка и зашагала к краю, поближе к Камилю. Он присел
на корточки и пристально посмотрел на неё.

— Он есть хотел, — пробурчала она. — Мы к холодильнику бегали, но ему не нравилось. Поэтому сидели возле Летиши... Сторожили, как бы он не съел её...

— Летиши? — не понял Камиль.

— Внучка.

Мона легко оперлась на комод.

— Хозяев зовут Довель и Марго. В этой комнате останавливалась их внучка.

— Я же не просил помощи, — огрызнулся Камиль.

— Да мне самой интересно, — отпрянула Мона. — Не волнуйся, это не в счёт нашего пари. Так что там с Летишей?

Камиль задумчиво почесал затылок, затем снова обернулся к кровати. Оттуда тянулись тёмные трещинки, будто тень пыталась вырваться наружу.

— Темно уже везде, а он притих, — пробормотал Камиль. — Словно не этого доби-
вался... Что может вызывать аппетит у Орьёсы?

Он резко осёкся.

— Только не отвечай! Я сам.

Его взгляд скользил по комнате. Только здесь проявлялись признаки присутствия Орьёсы, хотя этот подвид обычно стремился захватить всё затемнённое пространство. Но этот не рвался в другие комнаты. Он лишь изредка осмеливался наблюдать за жильцами, молча и осторожно.

— Здесь душно, — вдруг сказал Камиль.

Мона медленно вдохнула, будто пробуя воздух на вкус.

— Его подпитал страх ребёнка? — резко обернулся Камиль. — Он был активен до нашего приезда, пока в доме был страх, которым можно наслаждаться. А сейчас... среди нас ему нечем питаться. И что он будет делать?

— Если предложишь найти ребёнка с улицы и сделать из него приманку, — с ледяным спокойствием сказала Мона, — я закажу самый сочный стейк и огромную бутылку виски.

— Ты же не пьёшь! — испуганно воскликнул Камиль.

— Поставлю на полку в кабинете, а чек в рамку. Будешь заходить и любоваться.

Камиль хмуро отвернулся. Фигурка в его руке слабо щипала ладонь, будто пыталась размять её, как в массажном салоне. Он вдруг пристально на неё взглянул, перехватил другой рукой и поднял над головой.

— А зачем нам ребёнок, если есть его маленькая копия? — хмыкнул он. — К тому же керамическая.

Глаза фигурки округлились от ужаса. Она задргала ручками, пытаясь вырваться, но Камиль уже спрятал её в карман и застегнул молнию.

Маленькое испуганное личико металось во все стороны, когда Камиль осторожно вынул фигурку, положил на ковёр и накрыл стеклянной миской, позаимствованной из серванта.

Фигурка упёрлась ладошками в прозрачные стенки и нахмурилась.

— Ничего личного, — пожал плечами Камиль.

Мона с сочувствием взглянула на их «приманку».

— Я создала чудовище...

Камиль обернулся, в его голосе зазвучала обида:

— Он же не живой, Мона...

— Будешь говорить себе это перед сном. А сейчас я просто рада, что эта идея — не моя заслуга. Ладно, в чём план?

— Наш маленький друг таит в себе уйму страха, — Камиль кивнул на фигурку, которая робко оглядывалась под стеклом. — Выключаем весь свет и притаимся. Сначала нужно понять, как оно выглядит. А потом уже... — он демонстративно провёл большим пальцем по горлу и скривил лицо.

Мона осуждающе покачала головой. В её руке вновь блеснул клинок. Она провела ладонью по лезвию, и то тускло, но отчётливо засветилось.

Мрак сгустился в стенах дома не сам по себе. Мона дёрнула последний выключатель, и в гостевой спальне воцарилась крошечная тьма. Даже протяни она руку вперёд, не разглядела бы линий на ладони. Глаза постепенно привыкали, и в темноте проступил крохотный силуэт на ковре — дрожащий, напуганный.

На миг Мона задумалась: а каково было маленькой Летише — каждую ночь сталкиваться с воплощением собственных страхов?

Она умела сопереживать. В детстве часто находила рабочие бумаги отца: схемы, фото, отчёты. Видела жуткие вещи. Но они не пугали, а заставляли злиться. Маленькая Мона знала: папа всегда рядом и защитит. Но кто защитит других?

Этот вопрос звучал в ней с тех самых пор.

— У Бориса дома Орьёса! — ворвалась она в зал, едва не сбив с ног стул у двери.

Алексо оторвался от телевизора, как раз должны были начаться вечерние новости. Устало поправил тугую повязку на правом глазу и бросил на дочь строгий взгляд.

— У вашего Бориса дома только игровая приставка и куча несделанной домашки. Меньше слушай болтовню, больше учись.

Мона швырнула ярко-зелёный рюкзак к комоду и вскочила на диван.

— Нет, он говорит правду!

Её тугие хвостики вздрагивали при каждом слове.

— И что ты предлагаешь делать? — снисходительно усмехнулся Алексо, обнажив ряд посеревших зубов.

— Нужно отправить заявку в Бюро! Чтобы ты помог им! — отчеканила она, будто цитировала устав.

Алексо угрюмо пробурчал что-то и снова повернулся к экрану, прибавляя звук. Мона резко вырвала пульт из его рук.

— Ты же должен им помочь?!

— Мона! — рявкнул он.

Она виновато опустила голову, сползла с дивана и обиженно зашагала к двери. Уже на пороге бросила через плечо:

— Тогда сама помогу...

— Только попробуй выйти из дома, — не оборачиваясь, ответил Алексо.

Детство Моны не было обычным, но и не уникальным. Со временем она поняла: есть правила, есть риски, и не все угрозы реальны. Многие — плод воображения.

Но именно тогда она решила для себя: путь в Бюро — единственный верный. Там она может не только уничтожить угрозы, но и развеивать страхи, возвращать людям покой.

Камиль присел на табурет в коридоре, не сводя глаз с фигурки под миской. Стрелки на кухонных часах отсчитывали секунды, старые половицы поскрипывали, будто стены вздыхали под пожелтевшими обоями.

Мона, стоя в тени у двери, машинально подняла левую руку к лицу и взглянула на часы — золотые, строгой прямоугольной формы, с тонким ремешком, плотно обхватывающим запястье. Её пальцы слегка коснулись стекла, будто проверяя — всё ли на месте. Затем она без усилия нажала на кнопку и засекла время.

Камиль замечал это сотни раз. Сначала думал, что она таким образом отслеживает стадию активности Орьёсы, позже — что это сигнал для связи с Бюро. Но спросить так и не решился. А после и вовсе перестал искать в этом смысл. Ведь Мона никогда не объясняла.

И вдруг в глубине, под ковровой дорожкой, что-то зашуршало. Уверенно и стремительно. Шорох проскользнул прямо под ногами, а затем стих под лестницей.

Камиль вскочил. Мона настороженно прошептала:

— Оно...

Он подошёл ближе, заглянул через перила. Шорох повторился, но теперь в спальне наверху, будто зазывал. Затем решительно шагнул вверх, но Мона замерла у подножия, напряжённо оглядываясь. Её пальцы дрогнули на рукояти клинка.

Камиль обернулся и на миг замер, как будто забыл об их договорённости.

— Ты же главный, — напомнила она шёпотом.

— Да... — прошипел он. — Тогда ты проверишь, а я останусь тут.

Мона быстро поднялась и вошла в спальню. Шорох метался под полом, будто существо искало выход, прорезь в кирпичках, чтобы ускользнуть.

Камиль спустился в коридор. Сквозь щели входной двери струился слабый свет — тонкие полосы на полу, словно островок дня в океане тьмы. Шорох вновь раздался за спиной и тут же прервался едва слышным писком.

Камиль резко выскочил из-за угла.

В темноте гостевой, прямо над застывшей в ужасе фигуркой, сгустилась чёрная дымка, похожая на щупальца древнего существа. Он выхватил клинок и бросился вперёд.

Дымка медленно просачивалась под миску. Фигурка отпрянула и упёрлась в холодное стекло обеими ручками.

— Камиль?! — крикнула Мона, наклоняясь через перила. — Стой!

Она уже сбегала по лестнице, когда он рванул выключатель на стене. Щелчок прозвучал оглушительно. Свет вспыхнул — яркий, резкий, режущий глаза. Камиль склонился над фигуркой и резко поднял миску, освобождая её.

— Нормально! — обернулся он.

И замер.

Щелчок повторился. Тьма накрыла комнату вновь.

В дверном проёме возникла худощавая, тёмная фигура. Его длинные, почерневшие ладони вдавили кнопку выключателя в стену. На бледном лице пасть растянулась в восторженной улыбке.

Мутная дымка обвила Камиля со всех сторон. Глаза перестали различать ориентиры. Он замахал клинком, но что-то с силой сжало его за горло.

Голова налилась свинцом. Камиль вцепился в холодные ладони, сжимающие горло, и попытался разжать когтистые пальцы, но те только сильнее впились в кожу. По телу прокатилась горячая волна. Он вскинул клинок и одним резким движением рассёк воздух перед собой.

В ушах раздался оглушающий вопль.

Камиль распахнул глаза, и в темноте снова различил очертания комнаты.

Но теперь прямо перед его лицом, поверх знакомого интерьера, возникло искажённое мучительной болью и яростью лицо Орьёсы.

Мона уже врывалась в гостевую, когда существо юркнуло в щель стены и исчезло. Камиль рухнул на пол, жадно хватая ртом воздух. По его одежде и лезвию клинка стекала голубоватая кровь.

— Чёрт! — вырвалось у Моны, и она включила свет.

— Повёлся, как идиот... — простонал Камиль, прикрыв лицо ладонями.

Мона опустила на колени, схватила его за подбородок и резко подняла голову, осматривая шею. На коже проступал красный след — глубокий, но не смертельный.

— Я же тебе сказала! — воскликнула она.

— Просто... я думал, это и есть его настоящее воплощение.

— Пари окончено! — резко встала Мона.

Она подошла к окну и распахнула шторы, впуская последние лучи угасающего дня. Камиль раздражённо стукнул рукоятью клинка о пол.

— Вставай, — обернулась она, и в голосе зазвучала сталь. — Для первого раза — достаточно. Ты его ранил. Теперь он не высунет и носа... если вообще осмелится.

Голубоватая кровь быстро впиталась в ворс ковра. Камиль осторожно разжал ладонь. Фигурка снова стала безжизненной, но в её крошечных глазах застыл незримый, совершенно человеческий страх.

— Куда? — поднял он голову.

Мона подхватила сумку с кровати и направилась к выходу.

— Приедем утром, — бросила через плечо. — Или, может, хочешь остаться на ночь в компании теневого?

Она снова села за руль. В дороге молчала. Тяжко, напряжённо. Камиль чувствовал: это не просто тишина. Это наказание. В последнее время он и сам стал недоволен собой. Сегодняшняя ошибка — не первая. И он отлично понимал: терпение Моны на исходе.

«Кажется, я устал...» — пронеслось в голове.

Едва эта мысль возникла, как Мона вдруг обернулась. Камиль невольно вжался в сиденье, будто надеясь провалиться сквозь него — только бы не встречаться с её взглядом.

Но в её глазах не было раздражения. Было что-то другое.

— За месяц это пятое дело, — тихо сказала она.

— Да, я знаю, — перебил он, срываясь. — Приведу голову в порядок. Завтра буду как новый. Больше не повторится.

— Я не об этом, — покачала она головой. — Пятое дело подряд. Возможно... я переоценила наши возможности. Это не твоя ошибка.

В её словах не было упрёка, и от этого Камилю стало ещё хуже. Сердце сжалось. Он молча смотрел на её сосредоточенное лицо, ожидая худшего.

— Возьмёшь перерыв.

То, чего он боялся больше всего, свершилось.

Он никогда не считал себя выдающимся. В Бюро полно таких, кто не уступает ему ни в ранге, ни в навыках. Поначалу он не цеплялся за место под её крылом — но теперь мысль, что она может найти кого-то более рассудительного, жгла изнутри. Эти слова прозвучали как точка.

— Мне не нужны передышки, — постарался он скрыть дрожь в голосе. — Я же сказал...

— Нет, — перебила Мона. — Я вижу, когда ты изматываешься. Твои эмоции перевешивают здравый смысл. Ты двигался в верном направлении, но у самого края чуть не сорвался. Не притормозил.

Её голос оставался спокойным. И от этого было ещё больнее.

— Я же не отправляю тебя в отпуск, — усмехнулась она, но без злобы. — Пару дней — не больше. А за меня не беспокойся. Найду, кого поставить на замену.

— Кого? — нахмурился Камиль.

Машина въехала под арку между домами и остановилась у железной калитки. Мона пожалала плечами.

— Так кого? — не унимался он.

Она повернулась и посмотрела прямо в глаза.

— Росса, например.

Камиль резко вздрогнул. Щёки вспыхнули, глаза округлились.

— Что?! Он же не выездной! — вырвалось у него. — У него нулевое раскрытие! Ходит и всем советы раздаёт! Да ты хоть знаешь, что он говорит о тебе?!

— Какая тебе разница? — фыркнула Мона. — Я не просто наставник. Я руковожу. И меня не волнует, чем недоволен Росс или кто-то ещё. Работу нужно закончить — и всё. Других приоритетов у меня нет. И мне плевать, кто ею займётся.

— Я просто не понимаю... — тяжело выдохнул Камиль, откидываясь на спинку. — Ты считаешь меня настолько плохим, что отправляешь «отдыхать» и берёшь напарником бесполезного болтуна? Конечно, он будет в разы полезнее...

— Камиль! — её голос стал резче. — Это уже психи. Я не «беру напарника». Тебя никто не заменяет! Но знаешь, что бывает с теми, кто из раза в раз поддаётся эмоциям и забывает про задачу? Их отстраняют. Переводят в архив. Никакого стажа. Никаких повышений. Ты этого хочешь?

Она наклонилась ближе.

— Я даю тебе время. Ценное время. Будем честны: ты не хочешь полжизни гоняться за Орёсами, чтобы потом спуститься в подвал с пыльными папками. Это нормально.

— Откуда тебе знать... — пробормотал он, отводя взгляд.

Мона положила руку ему на плечо. Легко, но уверенно.

— В этом нет ничего плохого. Мы оба знаем: не все в Бюро мечтают героизировать до пенсии. И ты — не из таких. Я тебе помогаю. Учю. Не нужно воспринимать всё в штыки. Просто... пока у тебя нет своего кабинета и кресла, нужно научиться терпению. И ответственности.

Её взгляд вновь скользнул по его шее. Осторожно, почти нежно Мона коснулась следов пальцами, но Камиль резко отвёл её руку.

— Не надо, — буркнул он. — Я понял.

— Что именно ты понял? — усмехнулась она.

Не дожидаясь ответа, она схватила его за запястье, крепко сжала и, чуть настойчивее, подняла его подбородок. Её глаза впились в покрасневшую кожу. Камиль замер, даже боясь вдохнуть, чтобы не нарушить тишину.

— Завтра к врачу, — прицокнула она. — И чтобы до пятницы тебя в Бюро не было. Отдыхаешь. Повторяешь теорию.

Она наклонилась, вытащила с заднего сиденья сумку и из неё папку с новым делом. А затем бросила её Камилю на колени.

— Вот. Изучаешь. Ставишь пометки. Заполняешь бланк отчёта по сегодняшнему расследованию.

Брови Камилы взметнулись дугой. Он с явным презрением подхватил папку за край.

— Мне ещё и самому на себя рапорт писать?! — выдавил он. — Ты меня просто доби-
ваешь...

— Не улавливаешь суть, — покачала головой Мона. — Ты хоть раз читал мои отчёты?

Камиль что-то невнятно пробормотал.

— Сегодня ты был главным, — продолжила она, постукивая пальцем по обложке. — Думаешь, я не описываю в отчётах свои ошибки? Напиши: «Наставник предложил передать инициативу. Не провёл достаточный анализ пространства и поведения Орёсы. Действовал импульсивно».

— Это не относится к делу, — серьёзно сказал Камиль. — Это личное.

Мона замолчала. Её взгляд не отрывался от его карих глаз.

Камиль не мог понять её выражения: удивление? Настройка? Или просто очередное превосходство, и она уже знает ответ, который он ещё не готов произнести вслух?

— В Бюро не бывает личного, — наконец сказала она тихо, но твёрдо.

— Конечно, — усмехнулся он с горечью. — Как я мог забыть...

Он молча распахнул дверь и вышел на улицу.

Над подъездом только зажглись фонари. На детской площадке ещё не стихли голоса — смех, крики, шум бегущих ног. В воздухе витала сырая прохлада, обещающая дождь.

Мона смотрела, как он подходит к двери и достаёт ключи.

Когда он обернулся, она мгновенно завела двигатель и, не мешкая, вырулила со двора.

Она вытащила телефон из кармана, набрала номер и включила громкую связь, не отрываясь от дороги. Едва в трубке послышался первый гудок, как его оборвал моментальный ответ:

— Что стряслось? — настороженно спросил Шенон.

— Обязательно что-то должно было стрястись? — усмехнулась Мона.

— Ты мне никогда не звонишь.

— Вы ещё в Бюро?

— Да. Вы уже закончили? — не скрывая тревоги, уточнил он.

— Нет... — протянула она. — Буду через двадцать минут. Нужно поговорить.

Не успев завернуть к Бюро, Мона уже точно знала: Шенон стоит у шлагбаума с того самого момента, как завершился их разговор. Он не ушёл с поста охраны — просто застыл у ворот, не сводя глаз с дороги, ожидая её машины.

Предчувствуя его реакцию, она тяжело вздохнула и медленно въехала на парковку.

Шенон тут же подскочил и быстрым шагом двинулся к ней.

— Вы бы ещё ковёр расстелили, — бросила она, выходя из машины. — Я же сказала: всё в порядке.

— Ближе к делу, — проворчал он, пригнувшись, чтобы заглянуть в салон.

Затем нахмурился ещё сильнее и уставился на неё:

— А где Камиль?

— Дала отгул.

— Удивлён, что ты знаешь что это такое, — его усы дрогнули над сдержанной ухмылкой.

— Ну хватит, — отмахнулась Мона. — То дело с фермы... Там вообще ничего нет. Ни сути заявки, ни протоколов — сплошные прочерки.

Шенон тихо вздохнул и прищурился, будто давно знал об этой проблеме, но не собирался о ней говорить.

— Да, Вера предупреждала, — кивнул он. — Так езжай и разбирайся. Или у вас трудности с текущим заданием?

— Нет. Там всё встало на несколько дней. Поэтому я решила поехать на ферму... сегодня.

Она старалась не смотреть ему в глаза. Вместо этого уставилась вдаль: на расплывчатый контур восходящей луны над крышей Бюро, на облака, медленно поглощаемые вечерним небом.

— Мона.

Она невольно обернулась и машинально провела ладонью по шее.

Шенон мгновенно уловил в этом жесте неуверенность. Мона редко в чём-то сомневалась, но каждый раз бежала к нему за советом. В расследованиях она может и была если не лучшей, то одной из. Но по части взаимодействий с людьми всё же испытывала неловкость.

— Не хочешь говорить — не надо. Я и так понял: Камиля ты с собой не берёшь.

— Меня смущает эта секретность, — тихо сказала она. — Внимание штаба к делу разожжёт в нём нездоровый интерес. Он будто пытается меня копировать. Но из-за неопытности...

— Выходит плохо, — перебил Шенон, словно уже знал, к чему она клонит. — Я понимаю. Но он не плох. Смышлёный парень. Просто не повезло с наставницей.

Мона мрачно опустила голову.

— Ты здесь ни при чём, — чуть мягче добавил Шенон. — Рядом с тобой всегда шум. Если считаешь, что ему на той ферме нечего делать — я не стану спорить. Но это тонкая грань, Мона.

— Он всё равно узнает, — кисло усмехнулась она. — Сказала, что поставлю Росса на наблюдение.

Шенон хрипло фыркнул, поморщился и пробормотал:

— А на деле Ками вернётся с «отдыха» и поймёт, что Росс — его временный наставник?

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — серьёзно ответила Мона. — Съезжу, составлю план действий и вернусь. Но зачем штаб скрывает информацию? Это выглядит как... подкуп. Повышение ранга в обмен на молчание. Словно потом я не должна возникать.

— Мона... Так говорить не стоит, — твёрдо произнёс Шенон. — Ладно. Назначу Росса до твоего возвращения.

Он замолчал, осторожно качнулся на пятках и добавил:

— Первый подопечный это всегда непросто... — поймав пристальный взгляд Моны, Шенон невольно ухмыльнулся: — Но советов не жди. Я не буду указывать тебе, как поступить. Ты тоже учишься вместе с ним. И каждая ошибка будет...

— Напоминанием, — наконец улыбнулась и Мона.

На его лоб упала первая дождевая капля. Шенон поднял голову: небо постепенно затягивали тяжёлые тучи.

— Может, отложишь поездку на утро? В такую погоду, да ещё и в темноту... Отдохни хоть немного.

Но Мона уже развернулась к машине и, не оборачиваясь, бросила:

— Передайте Россу: Орьёса ранен. Материалы и отчёт у Камиля. Пусть заедет туда завтра, проверит, как обстоят дела.

Она остановилась у двери, поправила боковое зеркало и чуть тише добавила:

— Но прошу, пусть держит язык за зубами. Кому мне ещё доверять кроме вас?

На обычно непроницаемом лице Шенона мелькнула едва уловимая улыбка. Он молча проводил взглядом уезжающий автомобиль, а затем медленно пошёл обратно в Бюро.

Окрестности большого города скрылись за лесным массивом, тем самым, что Мона знала с детства. Раньше она часто проезжала здесь, сидя в маленьком сероватом кресле за спиной отца. Именно тогда у неё появилась привычка включать музыку погромче, чтобы заглушить напряжение.

Отец почти не разговаривал. Даже его краткий кивок она воспринимала как развёрнутый ответ.

Мона всегда любила смотреть в окно и воображать, как из тёмных зарослей кто-то смотрит в ответ, невидимый, следуя за машиной вдоль дороги.

Сейчас она выкрутила громкость на максимум. По радио одна за другой сменялись песни, а время в дороге текло медленно, мерно, как дождь за окном. Через несколько часов у обочины замелькали первые ориентиры: таблички-указатели, тусклые вывески, одинокие автобусные остановки. Правда, казалось, что навряд ли здесь вообще ходили автобусы.

Дождь не утихал, нещадно бил по стёклам, барабанил по крыше и размывал и без того разбитую дорогу. Под капотом вновь раздалось неприятное поскрипывание. Мона на миг задумалась.

В голове прозвучал голос Камиля: «Нужно будет на техосмотр».

Пальцы сильнее сжали руль. Ей было не по себе, но что-то внутри подсказывало: она приняла верное решение.

В округе почти не было высоких зданий — только заборы, приземистые домики, грунтовые дорожки и отражения молний в пузырящихся лужах. Мона свернула на парковку у придорожного магазинчика. Над входом мерцала вывеска: «24 часа».

Она стянула с плеч кожаную куртку, которой пыталась укрыться от ливня. Волосы всё равно промокли, а макияж размазался по щекам. Взгляд зацепился за стенд с журналами и яркими туристическими брошюрами. Она вытащила одну и подошла к прилавку.

За ним, откинувшись на стуле, дремал юноша с копной густых чёрных волос и в потрёпанной серой майке. Услышав шаги, он зевнул и быстро подскочил с места.

— Здравствуйте, — кивнул он.

— Привет, — улыбнулась она, облокотившись на стойку.

Мона машинально принялась разглядывать снэки под стеклом и, заметив в отражении размазанную тушь, осторожно стёрла её тыльной стороной ладони.

— Вам чем-то помочь? — оживился парень.

Мона ткнула пальцем в упаковку растворимого кофе:

— Это поможет. А ещё... Где у вас здесь ферма? Как же его...

— Битэк? — подхватил он. — Дальше по главной, потом по указателю. Не пропустите — огромная. Туристка? — спросил он, заметив её брошюру.

— Не сказала бы, — усмехнулась Мона. — Я из Веридана.

— Понял. Надолго?

— Кто знает... — пожала она плечами. — А что?

— Да так... Открыты круглосуточно, но сами понимаете — скука смертная. Вы вторая за три часа, кто сюда зашёл.

— А по части удобств... Гостиница есть? Не из придирчивых, просто переночевать.

Парень окинул её взглядом с ног до головы и тихо ухмыльнулся:

— А по вам не скажешь.

— Как тебя зовут?

— Микас. А тебя?

— А что по мне можно сказать? — заговорщицки прищурилась Мона.

— Ну ладно, — рассмеялся он. — Гостиница есть, там, — махнул он куда-то себе за спину. — Новый район построили. Цветной, с ресторанчиками и всякими вычурными магазинами.

— Класс! — искренне воскликнула Мона. — Жду не дождусь увидеть. Сколько с меня?

— Двадцатка.

Она полезла в карман за деньгами, похлопала по бокам, затем принялась доставать всё, что попало под руку. На прилавок выпала синяя прямоугольная обложка. Микас мгновенно подхватил её и протянул обратно Моне. И только затем замер, разглядев удостоверение.

— Так ты из Бюро? — глаза его блеснули.

— Спасибо, — выхватила она документ и спрятала в карман. — А ты не слишком любопытный для продавца?

— Мы недалеко от Веридана, но менталитет совсем другой, — широко улыбнулся он. — Да и, как я сказал... ночами здесь до смерти скучно. Когда ещё доведётся поболтать с красивой девушкой из Бюро?

— И за это спасибо, — кивнула Мона, положив купюры на стойку. — Ещё увидимся.

— Надеюсь.

Дорога, по которой вела стрелка указателя, плавно перешла в узкую улочку, выложенную гладкой, потемневшей брусчаткой. Колёса машины застучали по камню мягко, почти музыкально, будто городок приветствовал её собственным ритмом.

Перед глазами открылся новый район. Не город и не деревня, а нечто промежуточное, продуманно ностальгическое. Дома здесь были деревянные, с резными наличниками, покосившимися верандами и фонарями в старинных кованых кронштейнах.

Всё выглядело так, будто специально состарено. Ради образа: для туристов, для фото, для тихой иллюзии «другой эпохи».

Но за этим винтажем всё же чувствовался настоящий уют. Тёплый свет в окнах, запах дровяного дыма, аккуратные клумбы даже под дождём, укрытые плёнкой. На балконах развивались листья, а в одном из двориков мелькнул кот, прижавшийся к крыльцу, чтобы укрыться от ливня.

Гостиница оказалась совсем небольшой — двухэтажный особнячок с зелёной вывеской под названием «Узор» и стеклянной дверью, обрамлённой матовыми витражами. Въезд на парковку был узкий, две машины едва уместались бок о бок.

Мона припарковалась у самого края и, перед тем как выйти, на миг задержала взгляд на соседнем здании — маленьком кафе с вывеской «Липовый сад». У его входа стоял внедорожник чёрного цвета, внушительный и явно не местный.

Из машины вышел высокий человек в длинном дождевом плаще. Он на мгновение обернулся. Не к Моне, а скорее в сторону дороги, будто проверял, нет ли кого позади. Его лицо скрывала тень капюшона, но движение было точным, сдержанным. Затем он зашёл внутрь и исчез.

Мона нахмурилась, но не стала задерживаться.

Она вышла из машины, подхватила сумку и, не оглядываясь, направилась к гостинице. Стеклопанная дверь тихо скрипнула, выпустив порыв прохладного воздуха, и заменил его на запах старинных книг, лаванды и свежесваренного чая.

Глава 4: Приторный сад

Чёрный, угрюмый экран телефона, лежащего на круглом столике, нервировал Мону с самого утра.

Камиль выработал чёткое расписание: звонил каждое утро около девяти — ни раньше, ни позже, чтобы не мешать делам. Но сегодня день начался с тишины. Не простой, а напряжённой, почти осязаемой, будто воздух в комнате натянут на пределе.

И раздражало не столько молчание, сколько собственная тревожность. Под душем она несколько раз выключала воду, выглядывала из-за занавески и вслушивалась в тишину коридора.

Промокнув волосы махровым полотенцем, она встряхнула головой и принялась собираться. Сменную одежду Мона всегда возила с собой — не весь гардероб, конечно, но на брюки и блузку в сумке места хватало.

Она присела перед трюмо. В дубовой раме зеркала поблёскивал витиеватый узор из синеголубых линий. Мягкой кистью стряхнула излишки теней на запястье, подвела глаза и вдруг замерла, глядя в отражение.

Телефон на столе ярко вспыхнул.

Мона резко обернулась, как будто и вовсе не ждала сообщений, и с опаской уставилась на экран.

«Угадай, кому доверили перераспределение вашего дела: Астрид»

С облегчением выдохнув, она тут же набрала номер подруги.

— Верно мыслишь, — без приветствия усмехнулась Астрид.

— Шенон что-то сказал? — спросила Мона.

— Ничего. А ты бы хотела?

Щёки вспыхнули. Воздух в комнате вдруг стал гуще. Мона шагнула к двери, отодвинула тяжёлые льняные шторы и вышла на балкон. С улицы потянуло прохладой.

— А разве он когда-нибудь упускал возможность высказаться? — улыбнулась она, глядя на просыпающийся городок.

Её номер выходил на длинный переулок. В кафе напротив уже расставляли плетёные кресла, снимали брезент с резных уличных столиков, откуда-то доносился тёплый аромат свежей выпечки. Мона склонилась над перилами. Внизу в магазине только что зажглись вывески, а на двери ловко перевернули табличку — «Открыто».

— Не всё же ему с тобой возиться, — сказала Астрид.

Мона резко выпрямилась.

— Это он так сказал?! — вырвалось у неё.

В трубке раздался звонкий смех.

— Не-а. Просто предположила. Но ты явно трясёшься за эту свою инициативу, да?

Мона машинально обхватила запястье, нажала на заводную кнопку часов, и стрелки слегка вздрогнули.

— Нет. Делаю то, что считаю нужным, — хмыкнула она.

— Ну ладно, — вздохнула Астрид. — Можешь быть спокойна: Росс с утра ни слова не сказал. Вышел из кабинета Шена и молча уехал. Хотя... его затишье обычно вызывает больше вопросов, чем болтовня, — в динамике раздался шорох, а затем Астрид добавила уже шёпотом: — Не мне тебе рассказывать про наше «змеиное логово» на третьем этаже... Лора из пятой группы уже спрашивала, куда его отправили. Они же с Россом только и делают, что шушукуются на кухне.

— Если молчит он, то и Лора быстро притихнет, — нахмурилась Мона. — Как только поймёт, что дело моё... Уж поверь.

— Это верно! — рассмеялась Астрид. — Даже в коридоре с тобой пересечься боится. Недавно видела, как она болтала с Ками. И постоянно оглядывалась на твой кабинет, будто ты её на месте съешь!

Мона смутилась.

— Что за бред? погоди... А они что, общаются?

— Да мне откуда знать? — фыркнула Астрид. — Лучше скажи, что там случилось?

— Ты что, отгулов никогда не получала? — вспыхнула Мона. — Почему все уверены, что должно было произойти что-то страшное? — голос предательски дрогнул, словно она сама уже сомневалась в собственном спокойствии.

— Как скажешь, — усмехнулась Астрид. — Кстати, привезёшь подарок?

— Заказывай, что захочешь.

— Выбери на свой вкус. Только не сладости.

На первом этаже гостиницы у стойки регистрации стояло небольшое семейство. Мужчина заполнял документы, а девушка в светлом кардигане расчёсывала непослушные кудряшки на голове маленькой девочки, сидящей прямо на чемодане.

Холл был просторным, но уютным: мягкие диваны, стенд с книгами — от детских сказок до громоздких энциклопедий, а у камина, выложенного светлыми камнями, копошился пожилой человек, листая старую газету.

Мона тихо вышла на улицу. По коже пробежал холодок — она поёжилась и направилась к машине.

Через полчаса, так и не сдвинувшись с места, она раздражённо ударила по сиденью, расстегнула ремень и вышла из салона.

Машина не заводилась. Крышка капота подскочила вверх. Внутри: цилиндры, провода, торчащие во все стороны, масляные пятна. Мона уставилась на всё это с недоверием. Руки потянулись внутрь, но тут же замерли. Она никогда не скрывала, что совершенно не смыслит в ремонте автомобилей.

Мона с досадой взглянула на дорогу. Путь до фермы предстоял неблизкий, но других вариантов, кроме как взять сумку и отправиться пешком, у неё не было.

Она неспешно брела вдоль торговых лавок, засматриваясь на плетёные корзины со сладостями, душистые связки сухоцветов, подвешенных на нитках. У одной из таких не удержалась — купила небольшой стаканчик травяного чая, хотя в номере совсем недавно заваривала кофе. Но «три в одном» и местные угощения были несопоставимы.

Улочки петляли, как нити в старом пледе. Чем дальше она шла, тем реже встречались сувенирные магазинчики и бутики, и тише становилось вокруг. Жилые дома постепенно уходили вглубь, ближе к лесу, оставляя за спиной лишь редкие голоса да шелест листвы.

Наконец она добралась до дорожного указателя. Под названием «Ферма Битэк» красовались цифры, от которых стало ещё тяжелее на душе.

За спиной захрустели камни под колёсами проезжающего мимо автомобиля. Мона машинально проследила за ним взглядом... и вдруг тот резко притормозил, плавно сдал назад и опустил окно.

— Опять ты, — улыбнулась Мона, узнав Микаса.

— Ага, — отозвался он, бросив взгляд на указатель, а потом на неё. — А где твоя охотничья колесница?

— Решила прогуляться, полюбоваться местными красотами... — поморщилась она.

Солнце стояло высоко, ярко отбрасывая лучи на кроны деревьев. Мона прикрыла глаза ладонью, затем потянулась за сумкой, аккуратно достала очки из чехла и надела их.

— А я, кажется, забыл сказать, что ферма далеко? — ухмыльнулся Микас.

— И помчался следом, чтобы срочно предупредить? — рассмеялась она.

— Смена закончилась, еду домой. Всего-то. Чистая случайность.

— Всё равно получается, ты виноват, что я испорчу новые ботинки, — хмыкнула Мона и смело дёрнула за ручку, усаживаясь на пассажирское сиденье.

— Хотел пошутить, что ты не из робких, — пробормотал он, всё ещё улыбаясь, — но теперь мне страшно.

Мона удивлённо обернулась. Микас кивнул на клинок, повисший у неё на поясе.

— Это... — она аккуратно провела ладонью по рукояти, — не для людей.

— Насмешила, — фыркнул он. — Как будто, если ты воткнёшь его в человека, тот ничего не почувствует.

— Чисто в теории... — задумчиво протянула Мона.

За окном замелькали аккуратные палисадники и дымящие трубы одиноких домиков. Несколько раз Моне показалось, что из-за листвы за ней наблюдают — то ли любопытные бельчата, то ли просто игра света.

Она по-хозяйски потянулась к магнитоле и включила музыку.

— Так ты здесь по работе? — обернулся Микас.

Мона кивнула, не отрывая взгляда от окна.

— Орьёса на ферме? — с живым интересом спросил он.

Не уловить бодрость в нём было невозможно. Микас её буквально излучал. Несмотря на ночь в магазине, он выглядел свежим, и совсем не уставшим.

— Было бы весьма кстати узнать о ней побольше, — улыбнулась Мона.

Микас прокрутил руль, съехал под горку, и в салоне на миг воцарилась тишина. Затем он неуверенно пожал плечами:

— А что про неё говорить? Старше самого городка, но в остальном — ничем не выделяется. Хотя... огромная.

Он вдруг повернулся и внимательно, будто оценивая, окинул Мону взглядом.

— Разве вы работаете в одиночку?

— Хочешь пополнить ряды? — рассмеялась она.

— Упаси! Нет, — воскликнул Микас. — У нас Орьёс вообще не бывает. Поэтому и удивился.

— Правда? — недоверчиво приподняла бровь Мона.

— Клянусь! Думаю, в местных землях выработался природный иммунитет.

— А всё-таки одна завелась... — тихо пробормотала она. — Если верить заявке.

— Осечка, — ухмыльнулся Микас.

Он резко выпрямился и указал вперёд:

— А вот и ферма.

За поворотом вырос высокий деревянный забор, за которым ровными рядами вздымались пышные кроны деревьев. Ворот ещё не было видно, но в воздухе уже расцвёл свежий, цитрусовый аромат — сладкий, сочный, наполненный солнцем.

Сквозь листву мелькали набухающие плоды: жёлтые, оранжевые, насыщенно-красные. Они выглядывали из тени переплетающихся веток, с жадностью впитывая теплоту солнечного света. словно драгоценности подвешенные самой природой над ограждением свисали яркие апельсины.

Высоко над ними, почти в самом сердце фермы, яркими бликами заливался стеклянный купол оранжереи. Старые, но прочные деревянные опоры казались пропитанными фруктовым соком и летним светом, словно и сами стали частью урожая за долгие годы службы.

Микас ещё не успел заглушить мотор, как Мона заметила у ворот припаркованный чёрный внедорожник. Тот самый, что она видела у гостиницы. На этот раз он уже не просто застыл на фоне, а стал полноценным ориентиром, который она почему-то постаралась запомнить.

— Буду должна, — сказала Мона, открывая дверь.

— А как доберёшься обратно? — Микас тут же выскочил вслед, не скрывая надежды.

— Дорогу запомнила, — улыбнулась Мона.

Он окинул взглядом извилистую тропу, присвистнул и рассмеялся:

— Здесь пешком — часа полтора! Уверена, что не заинтересована в личном водителе? Это бесплатно.

— И безвозмездно? — скрестила руки Мона.

— Про долг ты сама заикнулась. Но я добрый — так что да.

— Может, тогда и экскурсию проведёшь?

Улыбка с его лица мгновенно исчезла. Он бросил неловкий взгляд на ворота, и в нём мелькнуло что-то отдалённо напоминающее страх или неприязнь.

— Не хотелось бы... — поморщился Микас.

— Что так? — насторожилась Мона.

— Во-первых, не горю желанием увидеть одну из этих тварей. А во-вторых... — он понизил голос, — незваных гостей здесь не жалуют. Вообще! Лучше подожду в машине. Окошки открою. Вздремнуть на свежем воздухе — дело благое.

Мона шагнула к калитке. Над аркой свисала массивная кованая табличка. Название фермы было выгравировано тонкими линиями, местами уже покрытыми зеленоватой патиной, что придавало ещё больше старины.

Складские домики встали в длинную пристройку с покатой крышей. У входа стояли корзины, доверху набитые апельсинами, и плотно заколоченные ящики с криво наклеенными листами, будто их запечатали в спешке.

Вдалеке у деревьев мелькали спины рабочих, откуда-то доносился приглушённый рокот мотора. Мона медленно зашагала по протоптанной тропинке. Высокие резные двери были слегка приоткрыты, и она зашла внутрь.

Здесь, очевидно, располагался торговый зал: небольшой, но без единой пустой полки. Банки с джемом, коробки с сухофруктами, громоздкие подарочные наборы. Глаза разбегались. Руки сами потянулись к маленькому свёртку на краю полки. Мона осторожно принялась, от него веяло насыщенным ароматом цитрусового масла.

— Очень расслабляет, — прозвучало за спиной.

Она обернулась. За прилавком зашла невысокая женщина с копной медно-рыжих кудрей. В руках она держала тяжёлый ящик, который с глухим стуком опустила на столешницу. Вытерев ладони о зелёный фартук, она улыбнулась, но в глазах мелькнула настороженность.

— Берите, не пожалеете.

— Ещё повыбираю, — хмыкнула Мона, возвращая свёрток на место, и подошла к стойке.

— А зачем выбирать? — пожала женщина плечами. — Когда можно попробовать всё.

— Это успеется, — ответила Мона. Взгляд скользнул по бейджу на лямке фартука. — Элеонора?

— Можно просто Эля, — кивнула та.

Мона вынула удостоверение Бюро, раскрыла и протянула. Элеонора внимательно пробежала глазами по строкам, словно проверяя подлинность, затем оценивающе посмотрела на неё:

— Так вы за этим?

Голос её потяжелел, улыбка исчезла.

— К сожалению... — вздохнула Мона. — С кем здесь можно пообщаться? Желательно с владельцем. Хотела бы приступить к работе, но сначала формальности.

Элеонора резко оглянулась к окну, стянула фартук и бросила его на спинку стула.

— Провожу. Я отвечаю за многое, но не за ваши «формальности», — она окинула Мону с ног до головы и добавила: — Но сразу предупрежу, общение может быть не из приятных.

— Нам не привыкать, — фыркнула Мона.

— Вам виднее. Моё дело предупредить, — Элеонора махнула рукой. — Пойдёмте. Заблудиться здесь несложно.

Мона легко ориентировалась в новых пространствах. Всегда запоминала планировку, повороты, особенности. Но даже для неё ферма оказалась лабиринтом: аллеи деревьев смыкались в тесные коридоры, здания повторяли друг друга, словно отражения в зеркале, а каждая тропинка упиралась в новый поворот.

В траве валялись лестницы. Мимо проехала тележка, нагруженная корзинами, и направилась к пустому контейнеру. Урожай собирали почти круглый год, и даже в межсезонье ферма жила своей напряжённой, размеренной жизнью.

— Западнее — переработочный цех, — махнула Элеонора, не оборачиваясь. — Сезон сбора заканчивается. Многие уедут.

— Проблемы именно на ферме? — осторожно спросила Мона.

Элеонора на миг оглянулась и ускорила шаг.

— Намеряете на прекращение работ? — ответа не дождалась. — Об этом речи не может быть. На носу фестиваль, да и любые задержки здесь — прямые убытки.

— Могу только представить, какие... — пробурчала Мона.

Элеонора остановилась у низкой пристройки почти у самого забора. С этого возвышения ферма раскрывалась как на ладони. Даже главные ворота казались теперь крошечными, словно игрушечные украшения.

Вид местных просторов завораживал. Мона поймала себя на мысли, что совершенно забыла о внешнем мире. Его словно и вовсе не существовало за стенами Бюро, бесконечной дорогой и тревогами, что гнездились где-то в груди.

Всё вдруг обрело логику: здания, тропы, расположение. Только один дом выбивался из гармонии — старый, на окраине. Мона поправила очки и пригляделась к его зашторенным окнам.

— А это? — кивнула она.

— С него всё началось, — тихо ответила Элеонора. — Бывший дом Битэков. Обычно пустует, но не заброшен.

— «Обычно»? — переспросила Мона.

— Да. Раз в полгода вызываем клининг, проводим осмотр. Зданию много лет.

— Наверное, полон историй, — усмехнулась Мона. — Видела вашу экскурсионную брошюру. Неужели туристы не интересуются наследием?

Элеонора вдруг рассмеялась и тут же осеклась.

— Даже рабочим запрещено заходить внутрь. Какие там туристы? Экскурсии — только по производству, мастер-классы... Наша ферма одна из крупнейших, но не самая, — она на мгновение задумалась, словно решалась стоит ли говорить что-то ещё, но всё же добавила: — Это личное пространство членов семьи и их приближённых, разумеется.

— И сколько таких «приближённых»? — не отступала Мона.

— Один, — строго ответила Элеонора и резко развернулась. — Подождите здесь.

И, не дожидаясь ответа, скрылась за дверью.

Мона осталась одна. Дом почти навязчиво притягивал взгляд. Она шагнула ближе, на небольшой пригорок.

Рядом возвышалась оранжерея. Солнечный свет стекал по стеклу золотистым водопадом, окрашивая всё внутри в оранжевый — от листьев до каменной дорожки.

Мона прислонила руки к стеклу и заглянула внутрь. Деревья здесь были ниже, чем в саду. У стены стоял чан с водой, рядом — полупустой мешок с удобрениями. На поверхности воды мелькнула едва заметная рябь. Хотя в оранжерее не было ни ветра, ни движения.

Мона опустила взгляд. На краю чана скользнула бесформенная тень. Она присела на корточки, прильнула к стеклу вплотную. Тень больше не казалась игрой воображения, но источник оставался неуловимым.

— Вы кто? — раздался за спиной резкий голос.

Мона выпрямилась. Стеклопанная дверца оранжереи тихо закрылась. На тропинке стоял высокий молодой человек.

— Мона Верис, — сказала она и протянула руку.

Его ладони были испачканы влажной землёй. Он медленно вынул из кармана плаща тряпку, вытер руки, но продолжал смотреть на неё настороженно, почти враждебно.

— Что вы здесь делаете? — в его голосе звенела сталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.